

СТАНИСЛАВ ДЕМЕНТЬЕВ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
АРХИДЕМОН
5

Станислав Дементьев

Четырнадцатый архидемон 5

«Автор»

2026

Дементьев С.

Четырнадцатый архидемон 5 / С. Дементьев — «Автор», 2026

Путь от полуживого беглеца до главы собственной секты занял совсем немного времени. Большой успех. Вот только вокруг враги, половина мира считает тебя коварным архидемоном, по твоим следам идут настоящие архидемоны, опасность грозит не только тебе, но и твоим близким...Добиться успеха – полдела. Теперь нужно его пережить.

© Дементьев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Повседневная жизнь старейшины.	5
Глава 2. Мир – это тёмный лес.	11
Глава 3. Воспоминания.	16
Глава 4. Внутренняя битва.	21
Глава 5. Невезение и неожиданная встреча.	25
Глава 6. Ученик и учитель из Секты Нефритового Меча.	29
Глава 7. Разные стороны решимости.	34
Глава 8. Ты хоть понимаешь, что делаешь?	37
Глава 9. Последнее слово.	40
Глава 10. Рассуждения Валена.	43
Глава 11. Подарки судьбы.	45
Глава 12. Глубокое доверие.	49
Глава 13. Интерлюдия 1: Ваннан.	52
Глава 14. Интерлюдия 2: Карм.	58
Глава 15. Печь и нефритовая табличка.	61
Г	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Четырнадцатый архидемон 5

Глава 1. Повседневная жизнь старейшины.

Костер полыхал в центре поляны, выхватывая из лесной темноты лица молодых разбойников, частью загорелые, частью смуглые от природы. Вчерашние мальчишки передавали по кругу бутыл из тыквы. Судя по тому, что они уже успели преисполниться веселья, но их языки ещё не начали заплетаться, это была вторая или третья бутыл за вечер.

— А я на старика только прикрикнул! — хвастался молодой, но со шрамом через бровь. — Так он сразу и меч выронил!

— Совсем заврался! — заржали остальные. — Не будь вас там трое, не будь за вами имени старшего Чиудая, так кое-кого тем мечом по заднице бы отхлестали!

— А вот не вру! Я теперь знаешь какой сильный? Я теперь и ученика секты не побоюсь!

Кто-то поперхнулся вином, кто-то непроизвольно огляделся при одном упоминании о секте и её учениках, убийцах в бело-серебряных халатах. Но большинство одобрительно заулюлюкали. Они были пьяны, и вообще, что вечер после удачного дела без отчаянного бахвальства? Может ещё и песен не петь?

Один из юношей и вправду затыкнул песню. Затыкнул... а потом вдруг слова застряли у него в горле и он уставился куда-то за спины товарищей, так и не закрыв рта.

Все обернулись.

На краю поляны, там, где свет костра уже не доставал, стоял человек. Молодой — примерно их лет, с загорелым юношеским лицом и коротко подстриженными тёмными волосами. Никакого оружия на поясе. Одетый в халат. Из простой белой ткани, без серебряных узоров, зато именно того покроя, какой носили настоящие практики духовных искусств. И это было куда страшнее любых мечей с доспехами. Вдобавок — никто не слышал, как он подошел. Ни хруста ветки, ни шороха листвы. А ведь вокруг поляны горный лес, валуны, кусты и крутые склоны, тут и днём человеку пройти непросто, тем более тихо.

— Кто такой? — выдохнул разбойник посмелее.

Вален — а это, конечно, был он — глянул на заговорившего так, словно тот нанёс ему оскорбление.

— Я гляжу, вы ещё не слыхали про меня, старейшину Добродетельного Демона. С тех пор, как я стёр в порошок Секту Белого Пламени и обосновался на её месте, эта земля моя по праву завоевания. Ну вот я и пришёл посмотреть, кто это смеет устраивать здесь беспорядок и разбой.

— Ты с горы рухнул, малец? — Чиудай, атаман маленькой шайки, поднялся на ноги. Выглядел он скорее как один из Недостойных — смуглый, широкоглазый, чёрные волосы заплетены в косу. Но одет был в штаны и расшитую куртку — совсем не по дикарскому обычаю. — Хвастай, да знай меру!

Секта Белого Пламени владела землями на сотни километров вокруг — и диким берегом по западную сторону горного хребта, где кое-как выживали Недостойные и удобренными вулканическим пеплом землями по восточную, где за последние десятилетия обосновалось некоторое количество цивилизованных крестьян. Власть её была абсолютной и держалась на абсолютной силе, делавшей сопротивление немислимым. Разбойники, вроде шайки Чиудая, сохраняли свои жизни лишь потому, что тигр не охотится на мышей.

Чиудай слышал песни и сказки о могучих практиках из далёких земель. Он мог поверить, что есть среди них способные победить Секту Белого Пламени в одиночку. Но, в отличие от прочих разбойников, атаман сам был практиком, достигшим стадии формирования чувств. Поглядев на кого-то, он видел его ауру. Аура этого сероглазого юноши оставалась едва замет-

ным призрачно-синим огнём, бегущим по коже. Как бы не слабее, чем у самого Чиудая. Аура практика с одним цветом духовного ядра.

— Я, хвастаю? — Вален поманил Чиудая к себе небрежным жестом ладони. — Подойди, проверь, хвастаю я или говорю чистую правду.

Ещё не родился на свет разбойник, который любит честный бой. Но Чиудай видел, что шайка боится незнакомца. Возможно, сильнее, чем они боятся его самого. Пришлось взяться за меч и шагнуть к наглецу, обходя костёр.

Сократив расстояние шагов до пяти, Чиудай с рычанием прыгнул вперёд, нанося рубящий удар мечом сверху вниз, как настоящий практик — то есть, неумело, с чрезмерным замахом. Большинство практиков духовных искусств сосредотачивались на этих самых духовных искусствах: волшебных техниках и усилении тела, за счёт подъёма цветов. А что до искусств боевых, то упражнялись лишь в рукопашном бою, когда ещё только готовились стать на путь практика. Вален, вслед за своими учителями, считал это существенной ошибкой.

Впрочем, будь Чиудай образцовым фехтовальщиком, результат не изменился бы. Боевые искусства могли решить исход при столкновении равных или сделаться спасительным средством, когда противник немного сильнее. Но между ним и Валеном была пропасть. Которую предводитель шайки и представить себе не мог.

Стоило духовной энергии побежать по меридианам Валена, как его движения и реакция ускорились примерно в восемь раз. А у Чиудая — всего лишь вдвое. Так что теперь он казался движущимся в плотном киселе. Вален мог не спеша разглядеть мельчайшие жилки в его глазах, поры на коже, крохотные капли слюны, вылетающие изо рта вместе с боевым кличем. Мог почти что аккуратно, ничего не сломав и не вывихнув, выдернуть меч из его хватки.

— Средненькая сталь, а зачарования и вовсе считай, что нет, — заметил он, подняв клинок перед собой. На сером металле остались заметные вмятины от пальцев.

Чиудай поспешно обернулся на голос. В один миг он покрылся холодным потом. Как этот практик вдруг появился у него за спиной? Как успел забрать его меч? А Вален легко взмахнул мечом, держа за лезвие. Пожелай он, даже удар рукоятью разбил бы череп Чиудая как яйцо. Но вместо этого предводитель разбойников лишь ойкнул и схватился руками за голову.

Вален почти незаметным движением кисти метнул меч, так что тот пробил насквозь старое, кряжистое дерево недалеко от костра, ушёл в его ствол по самую гарду.

— Кто-то ещё думает, будто я хвастаю?

— Не думаем, господин Добродетельный Демон!!! — от дружного хора испуганных голосов даже пламя заметалось чуть сильнее.

— Вот и отлично. Я сюда, вообще-то, пришёл, чтобы разделаться с шайкой разбойников, которая беспокоит крестьян. Я — не старейшина Белое Пламя и мышей в своём доме терпеть не буду. Но вы все ещё молоды, замазаться кровью особо не успели. Вот я и подумал: чего бы вам не вступить учениками в Секту Добродетельного Демона? Суровая жизнь простого ученика — вполне достаточное наказание за разбой. А тот, кто возьмётся за ум — тот даже сможет стать практиком. Ну, как вам моё предложение?

Естественно, вокруг костра не нашлось никого, кто не ухватился бы за это предложение быстрее, чем тонущий — за протянутую руку.

Бессмертный заяц, пока его не тревожили, очень напоминал зайца обычного, вплоть до манеры нервно дёргать носом, даже во время еды. Только шерсть отливала золотом, а в глазах, если внимательно присмотреться имелось по пять зрачков.

Но потревожить его было просто. Пусть с появлением цветов ядра он и не отрастил себе особенно мощного тела, но ни один зверь и ни один практик не мог обмануть его чувств, заме-

чающих даже малейшую тень враждебного намерения. Ну разве что если этот зверь или практик будут очень старыми, сильными и коварными.

Вот и сейчас, заяц, казалось бы, полностью увлечённый обглаживанием коры — коры тёмного дерева, о которую затупился бы стальной топор — вдруг наострил уши. Обернулся. Все десять зрачков сфокусировались на чём-то, скрытом в полумраке горного леса.

Тело напряглось, сжалось в пружину. Мгновение, нет доля мгновения — и зверёк сорвался с места. Да так, что мох и земля разлетелись брызгами. Он дожил до трёх цветов духовного ядра. И главным фокусом его волшебных способностей была скорость. Даже опытный практик четырёх цветов, вооружившийся соответствующими техниками, вряд ли сумел бы его поймать. Куда уж там существу, чью угрозу почувствовал заяц.

Умом бессмертный заяц тоже превосходил своих обычных собратьев. Вот только страху он поддавался так же легко. А страх, как ни парадоксально, убивает осторожность. Потому он не обратил внимания на слабый подозрительный запах в воздухе — пока ноги его вдруг не подломились, а голова не наполнилась туманом.

— Это не за попорченные огороды, ушастый. Просто ты был слишком ценен, — сказал Вален зайцу немного погодя. — И допустил две ошибки. Во-первых, всю жизнь полагался лишь на чуткость и скорость, так что даже слабенький Эликсир Сонных Маков на тебя подействовал. А во-вторых, побежал от меня именно в ту низину, в которой могла накопиться должная концентрация его паров. Я на то и рассчитывал, но всё же нечего смотреть обвиняюще. Сам прекрасно знаешь, что в этой жизни сильные охотятся на слабых. Ну, знал, пока жив был. Хмммм, кстати, твои глаза должны быть ценным ингредиентом...

— Угощайтесь. Не каждый день такой случай выпадает.

Бессмертный заяц, запечённый до румяной корочки с пряными травами и лежащий на серебряном блюде в окружении сладкого картофеля, выглядел очень аппетитно. Вален занялся готовкой сам. Не пожелал доверять ценный трофей унаследованным от Секты Белого Пламени кухаркам.

Однако, Сурэноха, его личная ученица и Хожин, старший ученик Секты Добродетельного Демона, смотрели на угощение так, словно им предложили обглодать священную реликвию.

— Учитель Лотрек, как мы смеем? — объяснил Хожин. Выглядел он словно битый жизнью тридцатилетний дикарь, загорелый до черноты и покрытый шрамами. Хитиновые пластины на спине и задней части шеи выдавали его природу гуая-жука. Хотя на самом деле ему было лишь двадцать четыре. Среди изначальных учеников секты, он чуть ли не единственный, смотрел на Валена не как на посланника Небес, снизошедшего ради их спасения. Только с ним и с Сурэнохой Вален мог разговаривать, не опасаясь, что его слова будут восприняты как смесь безусловного приказа с религиозным откровением. Но и Хожин почитал своего старейшину чрезвычайно глубоко.

— Даже рыба в море и рак под камнем знают, что мясо редкого бессмертного зверя очень полезно практику. Потому и есть его должны вы, учитель. Вы наша единственная надежда. Без вас остальные четыре секты Элементов нас передавят как лягушек.

Прежде чем Вален выдал ответ, пол под ними вздрогнул. Посуда на столе задребезжала. Все строения бывшей крепости Секты Белого Пламени, а ныне крепости Секты Добродетельного Демона, защищала формация, ослаблявшая силу землетрясений. Иначе повреждённая

башня-пагода, в которой они сидели, сейчас непременно развалилась бы. Издалека, с соседней горы, донёсся гул камнепада. Вален поглядел в окно и увидел на на ночном небе, за изломанными пиками, багровое зарево — не просто землетрясение, ещё и вулканическое извержение, на этот раз. Перерождающийся Континент носил своё имя не зря. И они находились на его недавно сформировавшейся окраине, особо страдавшей от буйства подземных стихий, поднимавших из вод новые земли.

Валена подмывало пошутить, что Огненный Повелитель и сама земля не одобряютглупостей его учеников. Но с них станется воспринять шутку всерьёз. Пусть даже Недостойные поклонялись Вечному Небу, а не Древним Божествам. Он поглядел на Хожина и Сурэноху, сидевших как на иголках — всё-таки, варвары, привыкшие жить под открытым небом в краю трясушейся земли. Страх перед замкнутыми пространствами оставался в них до сих пор. Так что Вален подождал, пока гору не перестанет трясти и сказал:

— Если бы вы вправду почитали своего учителя, вы бы ему не перечили. Для меня от мяса этого зверя почти никакой пользы не будет. Для практиков одного цвета, вроде вас — будет. И немалая. Тем более для практиков вашего пути, специализирующихся в скорости и ближнем бою.

— Учитель, не всё в жизни делается ради пользы, — сказала Сурэноха.

Вален хотел было возразить, что все поступки в своей жизни, кроме может быть, одного, ну, самое большее, двух, он совершал ради пользы, основываясь на безупречном рациональном расчете. Но поглядел в её влюблённые, щенячьи глаза и решил, что спорить бесполезно. Со вздохом отрезал себе переднюю лапку — на миг окружив указательный палец незримым лезвием воли, острым как скальпель. Щедро насыпал гарнира.

— Если вы и сейчас не возьмётесь за еду, это будет полным неуважением к вашему учителю!

Жизнь была бы куда проще, если б для развития ученикам хватало мяса бессмертного зверя. Но увы. Требовались ещё и пилюли. Сделанные, например, из духовного ядра того же зверя.

Алхимическая лаборатория, доставшаяся Валену после уничтожения Секты Белого Пламени, была просторной и хорошо проветриваемой. На этом её достоинства кончались. Лерия, госпожа Зала Пилюль, наверное, сказала бы, что в таком месте только шарлатану подделки варить. Пара массивных, потемневших от времени бронзовых алхимических печей реагировала на нагрев плохо, неравномерно. Пространственные кольца Валена были высокого качества... но всё же не могли вместить большую алхимическую печь выше человеческого роста. У Валена была с собой его переносная бронзовая печь, но она не годилась для действительно сложных выплавок пилюль. И замедляла действительно массовые. Прихватить с собой из Секты Шести Печатей прочую алхимическую утварь он вовсе не озаботился, считая, что её легче будет купить потом. Но в этой глуши покупать было не у кого. А утварь, которой пользовался покойный Майгарн для предварительной обработки ингредиентов, мало на что годилась. Фарфоровые сосуды вместо стеклянных с мерными метками. Тигли, покрывшиеся невыводимым нагаром. Реторты, рисковавшие треснуть и взорваться при нагреве.

Для выполнения ограниченного набора привычных хозяину операций, вроде конденсации крови в кровавые пилюли, этого мусора хватало. Для амбициозных целей Валена...

Вален взмахнул рукой, развеивая вонючий дым. Одна из реторт всё же взорвалась. К счастью, стеклянные осколки не могли пробить его кожу, а кипящая, едкая жидкость была не сильно страшнее тёплой воды. Но очередная порция невосполнимого растительного экстракта из Трёхсотлетнего Чистилища расплескалась по столу и полу.

— Чёрт и Зеффар всё поberi, — пробормотал Вален себе под нос.

Пять минут спустя, ликвидировав последствия взрыва и сменив халат, он уселся подумывать. Техника Расцвета Разума наделяла его способностью к быстрому и точному запоминанию. На текущем уровне её культивации, Вален не нуждался в записках и журналах — журнал экспериментов он мог вести в уме. И она же помогала ему хоть чего-то добиваться в этой, с позволения сказать, лаборатории, мгновенно учитывая, какие именно отклонения в процессе и риски вызывает негодная утварь.

Хоть чего-то... «Хоть чего-то» Валена не устраивало! В лучшем случае, у него было чуть больше года, прежде чем старейшины четырёх оставшихся сект Перерождённых Элементов явятся к нему ради выполнения договора. Потащат его вскрывать печать на древней Секте Преобразования Пяти Элементов. И он определенно не вернётся живым из этого похода, если за короткий срок не станет достаточно силён, чтобы в одиночку убить четверых опытных и коварных практиков тёмного пути, равных ему по цветам. И это в лучшем случае! Никак нельзя было исключать возможность неожиданного нападения с их стороны!

Конечно, у него был сильный козырь — Фантомный Крюк. Вот только...

Вален мрачно оглядел устрашающих фантомов. А те в свою очередь глядели на него. За неимением другой цели на уединённой горной поляне. Владелец Фантомного Крюка ни в коем разе не был защищён от парализующего ужаса, который внушали призванные им... существа? Иллюзии? Валена спасала лишь метка Печати Личины, прикрывавшая сознание от попыток волшебного воздействия.

В присутствии фантомов, казалось, тускнел дневной свет. Они выглядели плотными, почти осязаемыми. Кожа — если это можно назвать кожей — облежала иссохшие тела серой, пергаментной плёнкой. Глазницы горели синим — ровным ледяным светом, выражавшим бесконечную злобу и голодное ожидание. Рты — чёрные провалы, в которых иногда вспыхивала та же синева.

После того, как Вален начал экспериментировать с Фантомным Крюком, он обнаружил, что фантомов всегда появляется ровно тринадцать. По легендам, архидемонов тоже было тринадцать... Возможно, простое совпадение. Но Валену такие совпадения не нравились.

Тем более, что фантомы явно не были случайными и обобщёнными образами. Каждый обладал индивидуальностью, которую не могли скрыть даже тяжёлые чёрные балахоны. Голову одного украшали два длинных рога. Другой, очень высокий, стоял сторбившись, как горилла. У третьего руки, ноги и туловище были длинными, почти неестественно вытянутыми. Большинство глядело на Валеном сверху вниз, но пара выделялась маленьким ростом. Лица не казались человеческими, даже учитывая то, что они принадлежали мумифицированным трупам. Но и гуаем никто из них не был. Создатель Фантомного Крюка определённо основывал облик фантомов на группе реальных существ. Существ весьма загадочных. И пугающих не только волшебной аурой

Вален резко обернулся — ему показалось, что один из фантомов изменил своей обычной неподвижности. Чуть наклонил голову, словно вглядываясь в дерзкого смертного. Или почудилось? Нееет. Всё-таки память у Валена была прекрасной. Не почудилось! Когда, через пару секунд, фантомы исчезли, у него вырвался вздох облегчения.

Очередная пугающая странность. Последний месяц Вален использовал Фантомный Крюк почти каждый день, пытаясь уточнить его возможности и ограничения. Сперва он опасался, что частое использование истощит силы артефакта. Что время, на которое появлялись фантомы, начнёт сокращаться, а время «перезарядки» — увеличиваться. Поскольку оба этих временных промежутка постоянно колебались, установить тенденцию было непросто. Но сегодня утром Вален построил две статистические кривые. И понял, что обе изгибаются совсем не

в том направлении, которого он опасался. Напротив. Время появления фантомов медленно росло. А вот время, в течении которого они не могли появиться снова — сокращалось.

Это напугало ещё сильнее перспективы остаться без могучего оружия.

В тот день Вален оставил все эксперименты с Фантомным Крюком. Возможно, его осторожность была чрезмерной. Возможно, весь секрет был в том, что он постепенно учился правильному использованию артефакта. Но проверять отчего-то не хотелось. Нет уж.

Надёжнее будет доставать этот козырь лишь в самых крайних случаях.

А значит, ему нужны другие карты! Но где их взять, если в этой дыре даже алхимией толком не займёшься??!

Глава 2. Мир – это тёмный лес.

Надо сказать, что Вален, в силу различных обстоятельств своей жизни, был склонен видеть чашку с чаем наполовину пустой и недооценивать свои силы. Вот и сейчас он не обращал внимания на то, что основы, заложенные его предыдущим обучением, плюс успехи на стадии внутреннего единства, уже давали ему полную руку козырей. Особенно по сравнению с заурядным практиком из глуши. Не учитывал он и того, что на внутреннем единстве перед ним открывались новые, захватывающие дух перспективы. Его мысли целиком захватили проблемы, возникшие на пути его алхимических начинаний. С имеющимся оборудованием он не рисковал замахиваться выше пилюль второго ранга. Польза которых для него самого уже была ограниченной. Да и слабых пилюль он не мог делать в том количестве и, особенно, ассортименте, которых хотел. Если не найти решения, то об алхимической поддержке всех сколь-либо одарённых учеников, а не горстки лучших, придётся забыть.

Эх, если бы Люме была с ним, то вместе они придумали бы что-нибудь! Да что там, если бы Люме и Наттар были с ним, то и придумывать ничего не потребовалось бы. Втроём они стёрли бы оставшиеся Секты Перерождённых Элементов в порошок. Где-то они сейчас, какие трудности претерпевают?

Вален был не склонен думать о вещах, которые не мог изменить и терзаться мыслями о людях, которым ничем не мог помочь. В жизни практика слишком мало времени, чтобы тратить его на подобные глупости. Но именно сейчас, избавившись ото всех немедленных опасностей, введя жизнь в более-менее налаженную колею, он осознал, что всё чаще обращается мыслью к невесте и лучшему другу. К своему удивлению, он тосковал не только по чувству защищённости, которое дают товарищи, способные прикрыть спину. Сейчас он понял, что ему недостаёт даже пустой болтовни Наттара. Что уж говорить о Люме!

Но как бы глубоко Вален ни уходил в себя, его бдительности это не ослабляло.

— Что ты здесь делаешь? Избавиться от жизни пришла?

Аланария, старейшина Секты Лазурного Дерева, словно сгустилась из воздуха. Во всяком случае, так бы это увидел смертный или слабый практик.

— Ну что ты. Подумала, что стоит тебя проведать, посмотреть, как дела идут. А техники сокрытия — просто чтобы твои слуги не напугались.

Это не казалось откровенной ложью. Во всяком случае, Вален не почувствовал враждебного намерения. К тому же, зайдя, Аланария остановилась у двери, словно ожидая, пока к ней обратятся.

— Ну и как? Посмотрела?

Аланария пожала плечами. Огляделась вокруг и села на сундучок, чья крышка была относительно чистой — единственный не изгаженный алхимией стул занимал Вален. Заложила ногу за ногу элегантно движением.

— Я вижу, ты уже начал понимать, почему Секта Белого Пламени работала так, как она работала, — она заметила разочарование и раздражение Валена, но, не зная, к каким стандартам алхимической лаборатории он привык, сделала свои собственные выводы.

Вален эти выгоды угадал, в общих чертах:

— Ты про переработку Недостойных на кровавые пилюли? Ну просвети меня, что же я здесь начал понимать такого, чего мне не сообщили учителя, достойные великой секты? — сказано это было с оттенком злости, как если бы он обо всём уже догадался, но признавать не желал.

— Послушай, Лотрек, — Аланария, конечно, воспользовалась тем фальшивым именем, которым Вален назвался в этих местах. — Я слышала, что великие секты из сердца континента не лишают свободы учеников, достигших лишь одного или двух цветов. Позволяют им идти

куда угодно, хоть в родной клан возвращаться, хоть вольными практиками становиться. А вот те, кто поднялся выше, уже переходят во внутреннюю секту. И обязаны приносить обеты верности.

— Да, это так, — кивнул Вален.

— А знаешь, почему это так? Не пойми неправильно младшую, я знаю, что ты хитёр, проницателен и схватываешь всё на лету. Но некоторые вещи сложно понять, если не испытать их на себе, на личной шкуре. А ты, я подозреваю, до сих пор жил в благословенной земле своей секты. Или клана.

— Ближе к делу.

— Конечно-конечно, прошу меня простить. Так вот, есть одна вещь, о которой популярных трактатах о культивации не говорят, или говорят вскользь: почти во всём нашем прекрасном мире поток энергии земли и небес настолько слаб, что существу с человеческим сроком жизни сложно подняться выше двух цветов, даже с помощью культивации. Я бы назвала это, мmmm, мягким потолком. А три цвета — это жёсткий потолок. Выше своими силами не вознесёшься, проведи хоть всю жизнь в горной пещере, отказавшись ото всех мирских устремлений.

Аланария подняла свой изящный палец:

— Могущество действительно великих сект и кланов построено на том, что они занимают древние благословенные земли. Где поток энергии несравнимо сильнее. Я слышала, что в лучших из земель можно одними дыхательными упражнениями сконденсировать энергию для шестого цвета. Даже верится с трудом! Но сам теперь понимаешь — те, кто не готов стать слугой секты, это угощение могут лишь на вкус попробовать. Подняться выше уровня, который посилен практику, живущему во внешнем мире, им никто не позволит.

Вален кивнул. Он мгновенно понял логику, которую описывала Аланария — и согласился с ней. Хитрый ученик мог добраться в секте до самой грани прорыва на третий цвет, а уж потом уйти — но провести сам прорыв вне секты ему уже будет непросто. Тем более, что рубеж между двумя и тремя цветами — это завершение формирования воли. Именно при этом прорыве энергия должна течь сильным, длительным и, главное, равномерным потоком. Даже если хитрец преуспеет — он выйдет лишь на вершину, которая уже доступна практикам из внешнего мира, просто выйдет намного быстрее. Это не сделает его угрозой старейшинам великих сект.

— А пилюли духовной энергии... — задумчиво сказал он сам себе.

— ...можно плавить в большом количестве лишь из материалов, которые, по странному совпадению, контролируются великими сектами, — продолжила за него Аланария. — Будь это кристаллы земной силы или ядра бессмертных зверей. Ты, кажется, подчистил в своих владениях тех зверей, с кем Майгарну было лень связываться. И тех, кого он оставлял на вырост. Там как, хотя бы четыре трёхцветных ядра нашлось в итоге?

— Не задавай лишних вопросов и не услышишь в ответ лжи, — покачал головой Вален. Аланария засмеялась:

— Хехе, похвальная осторожность. Но раз уж ты алхимик, то должен знать, что для быстрого подъёма одного из твоих учеников к третьему цвету тебе понадобится перевести на пилюли духовной энергии до полудюжины трёхцветных ядер. Чтобы самому прорываться к четвёртому — многие десятки. В таком обилии бессмертные звери водятся лишь в заповедных местах, под контролем великих сект.

Большие потери энергии при переработке ядер и вправду были неизбежны. Вален поглядел на старейшину и сказал со спокойствием, которое удивило его самого:

— Ты подводишь к мысли, что если практик не готов стелиться под одну из могущественных сил, то единственный материал для пилюль духовной энергии, доступный ему в изобилии — это ядра людей и гуаев.

Аланария, к его удивлению, печально вздохнула:

— Ах, если бы всё было так просто. Конечно, из людей и гуаев с серым ядром или одним цветом можно извлекать массу ядер, из них можно делать кровавые пилюли. Сразу забивать тех, кто может быть опасен, позволять дорасти до первого цвета тем, кто не опасен... Быстро поднимешься — до всё тех же двух цветов. Если заедать пилюлями утренний чай вместо сахара — до трёх. И всё. Снова потолок, просто упрёшься ты в него не к ста годам, а к двадцати-тридцати, в зависимости от таланта. Если практик того, что твои старейшины называют «тёмным путём», хочет этот потолок пробить, ему придётся надеяться на удачу. Или убивать других практиков ради их ядер.

Она поглядела на Валена, повела изящной ручкой, и в ней появился крупный, сочный персик:

— Потому он рано или поздно начнёт смотреть на собратьев по секте вот как на этот персик. Не хочешь, кстати? Не бойся, не отравлен.

Вален фыркнул и протянул руку. Аланария кинула фрукт ему, а он поймал. Принюхался, больше для виду. Духовное зрение сообщило бы, если б в нём крылось нечто действительно опасное. Обычные яды ему теперь были почти не страшны. Впился зубами — и вправду, сочный и сладкий. Никаких подозрительных привкусов, которые он теперь мог распознать мгновенно.

Аланария же продолжила:

— Ну а секта, где практики так смотрят друг на друга, долго не простоит. Потому-то ещё ни одна секта «тёмного пути» не сумела достигнуть высот. Они слишком часто пожирали себя изнутри. Пожирали в самом прямом смысле, да. Но скажи: разве нельзя смягчить эту проблему, если говорить ученикам, что часть смертных это не смертные, а Недостойные насекомые, с которыми можно делать что угодно? Так внутренний запрет на убийство останется, просто подпадать под него будут не все.

Тут Вален вгрызся в персик чуть сильнее, чем хотел. Аланария это, конечно, заметила:

— Лотрек, я догадываюсь, что наши обычаи тебе отвратительны. Но что поделаешь. Этот мир — тёмный лес, пропахший кровью. Каждый выживает в нём как может. Сильные защищают свою территорию, слабые охотятся на тех, кто ещё слабее. Ты наверняка чей-то личный или наследующий ученик, будущий старейшина. Ты ведь знаешь, что и в твоей собственной секте те, кто правят, пользуются любым волшебством, которое им полезно, а рассказы про «праведный путь» — это для заурядных учеников, кому никогда не стать посвящёнными. Просто у тех, кто уже силен и богат, нет нужды действовать так жёстко, как действуем мы.

Аланария пустила свою стрелу наугад. Она никак не могла опознать Валена. И даже если каким-то чудом опознала, то уж наверняка не имела понятия о страшной тайне Секты Шести Печатей. Но попала она в самую точку. Вален последние пару месяцев подсознательно старался как можно меньше думать о том, что в знаменитой секте, одной из опор, на которых держался мир, Наставники, кроме его матери... приёмной матери... были демонами, на протяжении многих поколений захватывавшими тела собственных детей. Причём «демоны» — это здесь не столько оскорбление, сколько технический термин. Потому что если о таком думать — рискуешь прийти к тем же тезисам, которые сейчас изложила Аланария. О «праведном пути» как сказке для дурачков.

В голове всплыли слова Кантоса:

«Когда таких практиков становится слишком много — начинается ад... ..Нынешним старейшинам великих сект жить в аду не хочется. Жарковато там. Вот потому они искореняют любые намёки на тёмный путь. Понятно?»

Тогда Вален об этом не догадывался, но ведь по сути его учитель и сводный брат лично говорил ровно то же, что сейчас сказала напрямую старейшина тёмной секты.

«...возможно ли, чтоб почтенные светочи нашего мира в действительности сплошь были злыми людоедами, но сам мир процветал? Я в такую дичь не верю. Но то я. Про меня

порой говорят, что я слишком добр и пушист. Скажу, что сильно надеюсь на лучшее, а вот поручиться на все сто не могу».

И эти слова, сказанные, когда Вален уже знал всё о Секте Шести Печатей, тоже были подтверждением высказывания Аланарии, просто обставленным оговорками, чтобы спасти наивного мальчишку от чрезмерного потрясения!

Опытная старейшина трёх цветов не могла не заметить, что её слова произвели глубокое впечатление. Она придала своему лицу печальное выражение:

— Я, конечно, не обвиняю ни в чём великие секты. Это было бы глупой завистью. Их Наставники и старейшины чрезвычайно мудры и ведут дела разумно. На их месте я сама поступала бы точно так же. Но я не на их месте.

— А чего же ты не присоединилась к великой секте, чтобы пользоваться её преимуществами? — резко спросил Вален.

Аланария пожала плечами, опустила взгляд. Теперь её поза выражала уныние и уязвимость:

— Мои предки много поколений мечтали возродить древнюю Секту Преобразования Пяти Элементов. Эта глупая мечта не давала им рассеяться, влиться в секты этой эпохи. Ради неё они двигались вслед за берегами Перерождающегося Континента. В надежде, что из морских вод поднимется новая благословенная земля, на которой можно будет начать возвращение к величию. Но надежда потому и зовётся «надеждой», а не «расчётом», что оснований у неё мало. Вот и надежда предков не сбылась. Чтобы хоть как-то сохранить учение, они разделились на пять Сект Перерождённых Элементов. Пять сект могут искать драгоценные материалы и ловить бессмертных зверей на большей территории, чем одна. Но этого всё равно не хватало. Каждое новое поколение учеников был малочисленнее предыдущего. А для здешних Недостойных предки оставались пришельцами-захватчиками, которым надо мешать и вредить... Вот так со временем и вышло то, что вышло.

— Ты говоришь о своих предках, но не о себе.

Старейшина Секты Лазурного Дерева мило улыбнулась:

— А мне, признаюсь, нет дела до учений и традиции секты, которая пала две с лишним тысячи лет назад. Конечно, сокровища и знания, оставшиеся в её твердыне, могут принести мне большую пользу. Но уж думаю не большую, чем твоя благосклонность. Я ещё молода, мой талант неплох. Чтобы достигнуть высоких цветов, мне не хватает лишь шанса. Чем дольше я общалась с тобой, тем яснее понимала, что мой шанс — это ты. Вот потому и пришла сюда. Поговорить, персиком из моего собственного сада угостить. Если, конечно, тебе хочется чего-то большего, это тоже можно... — она чуть изогнулась, принимая соблазнительную позу. Увы, сейчас Валену её красота была вдвойне безразлична. — Просто боюсь, если не уделять тебе внимания, ты решишь, что всё сказанное мной раньше было сказано для виду. И на самом деле я замышляю тебя прикончить, едва лишь будет снята печать Пяти Элементов.

Вален криво усмехнулся:

— А что, не замышляешь?

Аланария покачала головой:

— Куда уж горной кошке точить когти на молодого тигра.

— Хмф. Ладно, — Вален чувствовал себя не в своей тарелке и это ещё очень мягко говоря. Он хотел закончить разговор побыстрее. Но понимал: выгоднее сейчас убедить Аланарию в том, что он клюнул на её наглую ложь. — Ты отвлекла меня от дел. Если уж хочется, можешь и дальше приходить ко мне с визитами. Но только в оговоренное время. Ещё раз попытаешься подкрасться без предупреждения — не вини потом за беспощадность.

Аланария кивнула. А Вален продолжил:

— И второе условие. Если хочешь моего покровительства — больше не предлагай мне себя.

— Неужто я так непривлекательна по сравнению с красавицами из твоей родной секты? — захлопала глазами старейшина.

— На их фоне ты бы смотрелась неплохо. Но это ещё не повод для такого неуважения ко мне, — Вален жестом прервал Аланарию, едва та открыла рот, чтобы ответить. — Нет, я больше не думаю, что ты хочешь подобраться ко мне поближе, чтобы напасть. Но ты что, вправду считаешь меня за последнего мальчишку, которого можно взять голыми ногами? Да ещё вот так, откровенно продаваясь ради выгоды?

Старейшина посмотрела на него как-то странно. Вален уже подумал, что наговорил лишнего, приготовился к вспышке злости. Но она кивнула:

— Как прикажешь, Лотрек.

Когда она ушла, условившись о времени следующего визита, Вален поглядел на оставшуюся в пальцах косточку от персика. И с хрустом раздавил её в кашу. Он чувствовал себя так, словно земля рассыпалась у него под ногами. Доказательством глубины внутреннего разлада, в который его привёл рассказ старейшины Секты Лазурного Дерева, служило уже то, что за вечер он ни разу не вспомнил о Печати Личины. О её способности усиливать или ослаблять эмоциональное воздействие слов и событий в критические моменты. Если б мысли Валена оказались сразу повергнуты в хаос, если бы он ощутил внутреннее давление, толкающее его в одну определённую сторону, он бы, конечно, понял в чём дело. Но на этот раз нападение оказалось более коварным. Подловившим момент, в который чужие слова чётко выразили мысль, давно вертевшуюся в его собственной голове. Причём когда Вален и так уже чувствовал себя зашедшим в тупик и одиноким

Время для атаки было выбрано идеально и она попала прямо в цель!

Глава 3. Воспоминания.

Не будь разум Валена отчасти замутнён, он моментально отмёл бы всё сказанное Аланарией. Уже потому, что её слова были прозрачной попыткой манипуляции. Поиска эмоциональной точки контакта. О великих сектах она говорила лишь исходя из собственных предубеждений. Или полагаясь на высокий шанс того, что старейшины великой сект вправду изучают те или иные виды волшебства, запретные для неопытных учеников. Если и изучают — что с того? Это ещё не значит, что они режут людей и гуаев. Тем более ради выгоды, которую сама Аланария признала ничтожной.

Но разум Валена был замутнён. В достаточной мере, чтобы совпадение её речей с тайнами, известными ему самому и тем, как хорошо всё это легло на слова Кантоса, показалось не прилетевшей наугад стрелой, а глубоким откровением об истинной природе мира. Откровением, которое Вален понимал и раньше, но не желал принимать.

Он не являлся мягким или сентиментальным человеком. Ему под силу было зарубить безоружного, содрать кулаки до кости о вражеское лицо, сознательно подставиться под удар, способный перешибить его самого пополам. А всё же, в глубине души он питал надежду на то, что Нотера устроена здраво и разумно.

Именно это и стало ключевой слабостью, которой воспользовался внутренний враг, чтобы привести его мысли в смятение. Сам Вален смятения не осознавал, ведь оно было далеко не таким сильным как после поединка с Гелатом на арене. Коварное воздействие на разум теперь не пыталось напрямую раздавить его душевной болью и чувством вины, а усиливало беспокойство, мешало мыслить ясно, заикливалось на сомнениях.

Этим вечером Вален провёл чуть ли не четверть часа, глядя на повреждённую нефритовую табличку Арамы и безуспешно пытаясь добиться от неё хоть какого-нибудь отклика. Ведь должна же мать была подумать о вопросах, которые его будут терзать! Должна же была рассказать о том, чего на самом деле ждать от этого мира!

А не добившись никакого результата, Вален разозлился на себя за уныние и бесполезную потерю времени. Плевать, в конце концов, на то, сколько слабаков и ничтожеств следуют тёмному пути, открыто или в тайне! Главное — самому не быть слабаком и ничтожеством! Ему нужна сила и у него ещё есть один путь, по которому можно идти к ней!

Вместо того, чтобы успокоить себя долгой медитацией, Вален сел культивировать в своих покоях. Злость его тоже оказалась усилена в решающий момент. И потому он совершил эту ошибку, которую в здравом уме не совершил бы никогда. Конечно, все стандартные культивационные упражнения — от дыхательных, до управления циркуляцией — были совершенно безопасны. Всё-таки, их тысячелетиями разрабатывали и полировали великие мастера. Даже при абсолютно неверном выполнении они могли причинить боль и не более.

Но ведь Вален на нынешней стадии использовал упражнения, изменённые и расширенные по его собственному разумению! Он управлял движением крови по жилам и процессами внутри мускулов, пытаясь сделать их соединение с меридианами более гладким. Естественно, что и вероятность ошибки, и её цена стали куда выше.

Как говорится в «Начальном наставлении»: «Опаснейший враг практика — это внутренний разлад. Под внутренним разладом мы понимаем неуверенность в избранном пути, скрытые сожаления и чрезмерные сомнения — противоположность внутреннего умиротворения. Внутренний разлад отбирает не только твёрдость в поступках, как это случается со смертными, но и необходимую практику способность к полной концентрации, что может привести к самым печальным последствиям». Вален в своё время прочитал эти слова не осмыслив. Так как — по его собственному мнению — сомнений в себе и своих целях он не испытывал.

А теперь ему предстояло прочувствовать смысл этих слов на своей шкуре. Когда обычный жар от разгона крови по телу перешёл в нездоровый, обжигающий, когда он покраснел как рак, покрылся испариной — а испарина начала испаряться с его раскалённой кожи — и когда помутившийся разум слишком поздно заметил, что всё идёт не так, совсем не так.

Конечно, Вален был не настолько глуп, чтобы загонять самого себя до смерти. Он заранее продумал способы стабилизации состояния тела в случае проблем. Но не успел он обратиться к ним, как его разум захлестнуло волной абсолютного хаоса, смешавшей все мысли. Обычно он легко отбил бы внезапную атаку Печати Личины, погрузившись в медитацию — но сейчас мозг уже работал наперекосяк, потому что тело била лихорадка.

Будь Вален способен мыслить ясно, он бы поаплодировал тому, как затаившийся в его голове враг соединил продуманность своих действий с решительностью, готовностью пользоваться представившимся случаем в надежде, что добыча сама зайдёт в ловушку, если её подтолкнуть в нужный момент. Кто знает, возникло бы ещё когда-нибудь такое сочетание внутренней слабости Валена и отсутствия внешней угрозы? Но проблема и заключалась в том, что способность мыслить ясно он утратил.

Он попытался подняться, достать пилюли из кольца, кликнуть на помощь. Но лишь завалялся на бок с глухим, неразборчивым стоном. Пилюли покатались по полу. Жгущий голову жар сменился темнотой и беспамятством.

Служанка Энеби давным-давно привыкла спать по утрам, когда господин уходил на каждодневные тренировки. А ночью бдительно бодрствовать — не позовут ли вдруг. Раньше это было вопросом выживания. Сейчас делом обычая. И вины, которую она почувствовала бы, если б за совесть стала служить хуже, чем за страх.

Она сидела перед светильником и потихоньку вышивала узор на новом поясе для Валена. Потому очень чётко услышала раздавшийся из его спальни стон, за которым последовал мягкий удар. А услышав, замерла как статуя. Прислушалась. Стон не повторился. Инструкции не беспокоить этим вечером на этот раз были совершенно чёткими. И всё же... так мог стонать лишь человек, которому очень плохо.

Несколько секунд страх за себя боролся со страхом за доброго господина. Наконец, Энеби пришла к разумному компромиссу. Если она тихонько подойдёт к двери спальни и заглянет внутрь — это, наверное, не будет беспокойством. И если старейшина Добродетельный Демон просто столкнулся с трудностями в своей культивации — то она так же тихонько прикроет дверь обратно.

Проблема тут была в словах «наверное не будет». Женщину, которая на протяжении нескольких лет могла лишиться головы по любому поводу и без повода вовсе, они сковывали как тяжёлые цепи. Чтобы на цыпочках преодолеть расстояние в семь шагов, Энеби понадобилось чуть ли не полминуты. Если бы не воспоминание о том, как почтенный старейшина, рядом с которым она была меньше чем насекомым, успокаивал её после её собственной ошибки, она вообще не смогла бы его преодолеть.

Заглянув, наконец, внутрь, Энеби едва не ахнула. Вален распростёрся плашмя, словно небрежно брошенная кукла. Так лежат мёртвые или умирающие. Рука со скрюченными пальцами всё ещё тянулась к раскатившимся по полу пилюлям. Нет, это явно не простые трудности в культивации!

Только лишь Вален понял, что пойман в галлюцинации, во внутреннем мире, он попытался выйти из него. Как прежде, воспользоваться медитативным состоянием, чтобы очистить разум от видений.

Но его разум работал слишком медленно! Мысли еле ворочались. Он проваливался в липкое, жаркое болото, пропахшее гнилью и кровью. Голова горела. Зловонная жижа запол-

няла рот и нос. Отчаянным усилием он попытался оттолкнуться, подняться — и едва не заорал, когда понял, что отталкивается от разлагающегося трупа.

Сильная, жестокая рука ухватила его за волосы и рванула вверх.

— Давно не виделись, птенчик.

Даже в нынешнем состоянии Вален не мог не узнать свой собственный голос. Ну конечно. Двойник. Печать Личины.

Прежде чем мысли Валена начали приходить в порядок, удар в солнечное сплетение от которого, казалось, переломился позвоночник, выбил из сознания всё, кроме боли.

Или почти всё. Боевой дух и слепая ярость никуда не делись. Вален ткнул локтем вслепую, попытался вывернуться из хватки двойника. А затем его голова словно взорвалась от нового страшного удара и он снова очутился в омерзительной жиже. Двойник навалился сверху, вдавил лицо в кровь и зловоние, не давая вдохнуть. В реальном мире Вален уже потерял бы сознание. Здесь на такую удачу рассчитывать не приходилось.

— Что, сил нет? — осведомился двойник, когда на миг позволил ему поднять лицо и вдохнуть. — А знаешь, почему?

Если бы Вален мыслил достаточно ясно для ответа, он мыслил бы достаточно ясно для сопротивления. Прежде, чем успел составить в голове хотя бы одну фразу, двойник снова макнул его лицом в грязь.

— А вот я знаю, — ядовитые слова раздались у самого уха Валена, когда ему позволили сделать очередной вдох. — Всё-таки, я и ты — одно, как же не знать.

Вален попытался ткнуть двойника в глаз, но не успел — снова оказался по макушку в гниющей слизи.

— Конечно, состояние твоего тела не влияет на внутренний мир... напрямую, — сообщил двойник очередную вечность удушья спустя. — А вот то, что твоё тело дошло до печального состояния не по твоей собственной воле — ещё как влияет. То, что ты лишился почвы под ногами — ещё как влияет. Я, знаешь ли, прекрасно понимаю, что тебя ослабило. Потому что я — это ты. Я ведь уже говорил: в прежней жизни мне пришлось столкнуться с откровением страшнее, чем «этот мир — тёмный лес, а старейшины и Наставники, „праведных“ сект в нём — главные хищники». Тогда ты не поверил, да? Ну что ж, лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать.

Вален успел проморгаться как раз вовремя, чтобы взглянуть на странный зазубренный нож в руке двойника. А затем этот нож вонзился ему прямо в лоб, расколов его мир на части.

«...что же, ты добрался до истины. Прочёл записи Неживого Секретариата. Это ещё раз подтверждает ту изобретательность, благодаря которой ты удостоился сделаться моим первым помощником. И? Ты, кажется, что-то хочешь мне сказать? Только не говори, что не веришь в прочитанное или надеешься услышать от меня оправдания.

Он... Вален... или тот, кто потом им станет... Вален-из -прошлого, если можно так выразиться. Он глядел на стоящего перед ним мужчину, рослого и крепкого. Повелитель Душ Гвин всегда предпочитал рослые и крепкие тела. А вот одевался скромно, в простые чёрные костюмы. Лицо Гвина выражало вежливый вопрос. Он не позвал охрану, когда застиг своего помощника в тёмной, освещённой странным синеватым светом, подземной комнате, где тому никак не следовало находиться. Охрана одному из Тринадцати не требовалась.

— Значит, добрая половина самых безумных теорий заговоров — чистая правда, — голос Валена-из- прошлого звучал тускло и бесцветно. — «Колдуны», которых я своими руками положил сотни — это не начальная стадия одержимых. Это просто люди с природным даром использовать энергию... они опасны для себя и других, потому что не получили никакого обучения и боятся собственной силы!

Гвин пожал плечами:

— Одержимость — действительно лишь отклонение, вызванное непониманием собственных способностей и собственных страстей. И всё же колдуны подлежат истреблению. Если их не истреблять, то они сами, или их потомки с учениками в первом-втором поколении, станут полноценными «практиками духовных искусств». Да, истинное название именно таково. Нам известно, что практики совершенствуют собственное тело и приобретают долголетие. Им стало бы не нужно продление жизни через покупку новых тел, которое предлагаем избранным мы, тринадцать Повелителей Душ. Нам известно, что практики обладают сверхчеловеческим могуществом. Могуществом, которым должны обладать только мы, тринадцать Повелителей Душ.

— Могуществом, которое позволило бы сражаться на равных с эм-зверями, даже со второй категорией...

— И сделало бы ненужными наши армии людей и машин. Лишило бы нашу власть ещё одной опоры. Ты ведёшь речи, достойные не моего помощника, который обязан иметь некоторое представление о том, как в реальности вершатся дела правления, а наивного смертного ребёнка. А ведь обычно ты всегда так рационален, так готов приносить необходимые жертвы по моему приказу и во благо общества.

— Вы сами предсказываете, что за второй категорией появится третья! — заорал Вален-из-прошлого, — Я видел записи! Хищников третьей категории не будет брать оружие, которое способен поднять человек!

Вспышка гнева была искренней. И вместе с тем кажущаяся истерика служила отвлечению внимания. В тот момент когда из горла Валена вырывались последние слова, его рука устремилась к оружию на поясе. С точки зрения простого смертного, двигался он невероятно быстро.

Гвин преодолел расстояние между ними прежде, чем пальцы Валена сомкнулись на рукояти. В следующий миг Вален-из-прошлого с грохотом отлетел к стене, ударился об неё с такой силой, что затрещали кости.

— Эту проблему решит проект «Яогуай», о котором ты сам должен был прочесть. Повелитель Тифон обещает скорый результат. Как ты, его воспитанник и одно из самых занятных созданий, смеешь не доверять его обещаниям?

— Занятных... занятных созданий?

— Хм, — задумался Повелитель Душ. — На этот раз ты вспомнил не всё? Даже из главного? Весьма любопытно.

— «На этот раз»? — впервые в голосе Валена-из-прошлого послышался нескрываемый ужас.

— Мой непутёвый помощник, сегодня ты пробрался в это потаённое место уже в третий раз. Тифон и Яма считают тебя чрезвычайно интересным подопытным. Раз за разом они стирают твою память и перенастраивают личность. Раз за разом твои прежние воспоминания начинают возвращаться. Раз за разом ты начинаешь подозревать, искать истину, наталкиваешься на любезно оставленный для тебя след и приходишь сюда, думая, что приходишь тайно. Должен признаться, меня самого забавляет эта игра, иначе бы я не стал держать рядом с собой помощника, в чьём разуме покопались другие Повелители. Какой бы искусной гончей он ни был.

Некоторое время в подземном зале царило молчание. А затем Вален-из-прошлого хрипло и страшно захохотал, закричал сквозь смех:

— Забавляет игра, говоришь, гнойный упырь? Посмотрим, кто будет забавляться последним! Кем бы вы, тринадцать, ни были, пока я дышу — надежда есть!

Повелитель Душ Гвин трижды с расстановкой хлопнул в ладоши:

— Похвально, похвально. Стараешься смотреть на вещи позитивнее, как учит Повелитель Тифон? Ну что ж, давай проверим, на сколько ещё переделок памяти хватит твоей

надежды. В конце концов, мы, тринадцать Повелителей Душ — среди всех существ в этом мире более всего заслуживаем именоваться богами. Думаешь, за пару тысяч лет мы мало встречали смелых бунтарей?»

Вален вернулся в настоящее. В голове по-прежнему пульсировала боль, всё лицо горел огнём, он глотал воздух, стоя на четвереньках.

— Ну что, дошло, птенец? Нас обманывали снова и и снова. Держали во мраке. Так было в нашей прошлой жизни, так остаётся и в нынешней. И если ты думаешь, что сейчас уже постиг, как устроен мир в эту эпоху, то я тебя разочарую. Ты коснулся лишь самого краешка мерзких секретов и страшных тайн. Ты по-прежнему марионетка в чужих руках.

Зрение Валена прояснилось достаточно, чтобы он мог разглядеть ухмыляющегося двойника перед собой, свинцово-серое небо наверху и грязь внизу. Нет, не грязь. Массу из крови и разложившихся трупов. Если бы он сейчас обладал физическим телом, а не мысленной имитацией, то его бы вырвало.

Двойник присел на корточки шагах в четырёх перед Валеном.

— Но теперь у нас, наконец-то, есть шанс вспомнить всё. Оборвать все приделанные к нам нити. Увидеть, как на самом деле выглядит этот мир. Сейчас никто не караулит нас, чтобы снова стереть воспоминания. Просто позволь нам стать единым целым. Прекрати упрямиться.

Мысли Валена с трудом ворочались в голове. Боль и жар отнимали способность думать. На миг ему показалось, что слова двойника имеют смысл.

Но затем он испытал странное ощущение. словно прохладная материнская рука коснулась его лба. И сознание вдруг прояснилось. Запутанный клубок начал превращаться в стройную цепочку рассуждений и выводов. Тяжёлое дыхание постепенно переросло в захлёбывающийся смех.

— Разум помутился? — в тоне двойника прозвучала неуверенность.

— Нет, — Вален мотнул головой, так что брызги грязи полетели в стороны. — Смеюсь над твоей глупостью, Зеффар. Ты захватил и прочитал мои воспоминания, но ничего в них не понял. Разве можно ещё яснее доказать, что ты — не я?

Глава 4. Внутренняя битва.

— Что с господином? — боязливо спросила Энэби.

— Да мне откуда знать? — воскликнула Сурэноха. Пусть она и была практиком, следовательно, старшей, вне зависимости от разницы в годах, а всё же ей ещё шестнадцати не исполнилось. И она вправду не знала, что с Валеном. Его тело пылало жаром, почти как печь. Она запихала ему в рот пилюли, которые подобрала с пола — раз учитель сам хотел, но не успел их съесть, они не причинят вреда. Теперь оставалось лишь каждые пару минут менять холодные компрессы у него на лбу и ждать.

В своём внутреннем мире, Вален медленно поднялся на ноги.

— Спасибо, что показал мне то воспоминание, — сообщил он двойнику. — Приятно знать, что в прежней жизни, я не сдавался несмотря ни на что. Не знаю, правда, с чего ты решил, будто узнав об этом, я тебе сдамся сейчас.

Последняя фраза была ложью. Внутренний враг подошёл чрезвычайно близко к успеху. Не столько убеждая Валена рационально, сколько давя на его слабости и смешивая мысли. Но не говорить же такое самому врагу.

Двойник тоже выпрямился. Покачал головой:

— Неужели даже сейчас ты полон бессмысленного упрямства? Неужели ты хочешь остаться слепцом и калекой? Неужели ты готов рискнуть всеми, кто тебя полюбил, кто тебе доверился, отказываясь от знаний и силы, когда их предлагают на блюдечке? Да что ты, чёрт поberi, за самовлюблённый безумец??!

Двойник развёл руками, словно охватывая простиравшееся от горизонта к горизонту море разлагающихся трупов.

Вален поводит указательным пальцем в неодобрительном жесте:

— Чёрт, который может побрать — он из моего прежнего мира. Не тебе пользоваться этим ругательством, Зеффар. И ты снова доказал, что между нами нет ничего общего, кроме позаимствованного тобой облика. Ты смотришь на мир моими глазами, ты заглядываешь в воспоминания, что украл прежде, чем они вернулись ко мне. И всё равно не понимаешь.

— И что же я не понимаю, а?

— Например, то, что я не объясняю врагам их просчётов, — Вален скривился. — Ну ладно, сегодня сделаю исключение. Видишь ли, сегодня я трижды поглядел, как действует существо тёмного пути. Один раз в реальности, второй раз, благодаря тебе, в воспоминаниях и третий — на твоём собственном примере. И каждый раз я видел не только подлость, обман и готовность пользоваться любыми средствами ради своих целей, но и жестокость. Почтенная Аланария свою жестокость просто оправдывала красивыми словами, потому, что её позиция была слабой. А всё же, если б ей предложили две идеально равные партии пилюль духовной энергии, я думаю, она взяла бы ту, ради изготовления которой детей резали на части. Ведь поступить иначе, это признать, что резать детей нельзя, а значит сама она — чудовище.

Теперь уже Вален развёл руками, почти так же, как раньше — двойник:

— Один раз — случайность, два раза — совпадение, три раза — правило. Ты предлагаешь знания и силу, чтобы защитить тех, кто мне дорог. Думаешь, так проще надавить теперь, когда у меня появились и семья, и невеста, и друг, и ученики. А надолго ли у меня останется желание хоть кого-то защищать, если я допущу в свой разум такую гниду, как ты? Если вступлю на тёмный путь? Начну жрать людей и гуав ради силы? Как скоро я превращусь в настоящего демона, вроде Повелителя Душ? Катись к самому себе, Зеффар. Пусть даже окажется, что все

Досточтимые и Наставники в тайне идут тёмным путём — я им не пойду. И уж конечно я не сдамся самому убогому из его адептов.

Тут на лице Валена появилась такая мерзкая ухмылка, словно он уже превратился в демона:

— Мне вот хочется кое-что проверить. Чтобы так жёстко на меня надавить, ты должен был войти в особо тесный резонанс с моей душой. Интересно, можно ли этим воспользоваться и отбить тебе желание гадить в мои мысли? Если не навсегда, то хотя бы на несколько лет? Что-то ты всё держишься в сторонке и пятишься с того момента, как твой план провалился. Неужели говоришь, что можно?

— Безумец! — лицо двойника исказилось. — Мозги себе выжечь захотел??!

— Нуууу... — выражение Валена стало ещё более мерзким. — Разве ты раньше не знал, что я — безумец?

— Раз так, то пропади всё пропадом! — заорал двойник. — Игры кончились! Не хочешь по хорошему — давай, сразимся! Посмотрим, что будет, если довести это тело и мозг до последней крайности?

За спиной у него появилось сразу восемь летающих мечей. А девятый меч возник в руке. Ухмылка Валена сделалась счастливее. Признаться, его уверенность в себе только что была не слишком прочной, а значит, здесь, во внутреннем пространстве разума, он уступал двойнику в силах. До момента, когда сумел его спровоцировать.

Вален повёл рукой — и в ней тоже появился меч. И за спиной ещё восемь.

— И то правда. Что-то мы заболтались. Пора выяснить наши отношения как практик с безмозглым паразитом.

Летающие мечи противников устремились вперёд одновременно. Часть из них столкнулись с громким звоном и снопами искр. Но атаковать летающим мечом куда проще, чем защищаться. По четыре меча с обеих сторон достигли цели. То есть, места, где цель только что была. Вален и двойник вовремя переместились Лёгким Шагом. Оба попытались ударить друг друга в момент выхода из техники. Обоим это не удалось — клинки, в зеркальном движении, столкнулись друг с другом. На секунду оба замерли, обмениваясь смертоносными выпадами — и вновь переместились, прежде чем их успели достигнуть взаимно вызванные летающие мечи. Движения бойцов теперь стали лёгкими, их ноги скользили по мерзкой жиже, как если бы они ступали по твёрдой брусчатке.

Вторая сшибка, третья, десятая, сотая, тысячная. Звон металла о металл, снопы искр, бегущий по лбу пот. Перемещения настолько быстрые, что в воздухе остаётся по полдюжины Остаточных Образов и со стороны кажется, будто сражается отряд с отрядом. Коварные финты и попытки продавить защиту силой. Брызги крови, когда клинки достигают цели — но наносят лишь поверхностные раны, не мешающие сражаться.

Сражения между противниками, привыкшими друг к другу, хорошо знающими приёмы и хитрости друг друга, например, учениками одного учителя, часто затягиваются. Что уж говорить о сражении между зеркальными отражениями друг друга. Тем более сражении, где бойцы не чувствуют усталости, где мелкие раны исчезают сами по себе. В реальном мире исход могла бы решить случайность, подвернувшаяся одному из противников выгодная позиция. Но во внутреннем мире такое невозможно.

Вален отшатнулся, когда остриё летающего клинка рассекло ему левое предплечье. Но и двойник отшатнулся, получив ровно такую же рану. Уже через мгновение оба атаковали с прежней яростью. Это сражение нельзя выиграть ни силой, ни техниками, ни боевым искусством, ни удачей. Так как же его выиграть? Как одолеть Печать Личины? Прежде, чем мозг и нервы Валена вправду сгорят от перенапряжения. Или меридианы окажутся безвозвратно повреждены этой внутренней борьбой.

Вален очень удивился бы, если б узнал, что в это же самое время Люме и Наттар также оказались втянуты в схватку не на жизнь, а на смерть.

Но чтобы понять, как это произошло, следует вернуться немного назад.

Горный лес вечером был местом красоты и гармонии. Для тех, кто любит на него с почтительного расстояния. А так-то тихие сумерки, когда каждый звук разносится далеко, были временем охоты. И залюбовавшийся на красоту рисковал гармонично попасть кому-то на ужин.

Как та крупная, пёстрая птица, чью остывающую тушку деловито тащила ярко-рыжая лиса.

Практик, парящий выше деревьев на летающем мече, мрачно оглядел охотницу с добычей. Его собственная охота шла куда хуже. Отверженные богами и предками прислужники архидемона будто сквозь землю провалились. Раскинутые сети волшебного слежения не зацепили ничего. Теперь старейшины требовали хоть по камушку разобрать эти горы, но найти беглецов. А ведь и дураку ясно, что те давно скрылись. Как-то перехитрили облаву, проскользнули через сети и скрылись.

Через пять секунд практик уже думать забыл о простой лисе. Даже не глянул, как та нырнула в глубокую нору со своей добычей. Он не допустил этим никакой ошибки. Просто, полученная им информация была неполна. Он знал, что одна из преследуемых — гуай-лиса. Но и понятия не имел, что она способна принимать полностью звериную форму.

Люме Лин хранила этот секрет— хранила даже от Валена, ото всех, кроме матери и сестры — не из прагматических соображений. Просто сама идея обращения в маленького четвероногого зверька её глубоко смущала. Право слово, проще раздеться на публике. Повезло Наттару — его звериная форма была устрашающим змеем, теперь достигавшим в длину метров пяти. Не повезло ей — так как про эту форму преследователи знали, и подобных змеев в этих горах не водилось, она теперь охотилась за двоих. Хорошо хоть, что нашлась старая, глубокая нора, настоящий лабиринт со многими выходами, в которую не мог пролезть человек, но мог проползти Наттар в змеиной форме. Пока им удавалось прятаться от пристальных взглядов практиков. Прошло уже с полмесяца, а те по-прежнему патрулировали в небесах, прочёсывали лес. Порой Люме гадала: не натворил ли Вален чего-то ещё с момента их расстояния. Иначе почему даже за его спутниками охота идёт столь упорно.

Нора встретила её застарелой вонью. Лишняя причина, по которой Люме не любила лисью форму. Острота обоняния в ней уже почти не возрастала по сравнению с нормой практика её цветов, но вот бороться с дурными запахами становилось сложнее. Особенно если проводишь много дней в тёмной и тесной норе. Протащив тушку птицы внутрь, в глубину, Люме оставила её прямо перед носом Наттара. Тот поднял плоскую змеиную голову, покивал в знак благодарности. Люме обнюхала его нос к носу, фыркнула и скользнула в боковой отнорок.

Все волшебные сокровища пришлось спрятать в нескольких отдельных тайниках, чтобы снизить вероятность обнаружения. Пусть их ауры были слабыми, незаметными под землей. А без сокровищ никакого способа продуктивно общаться в зверином облике у них не имелось. Разве что лапой или змеиным носом выстукивать условный код. Но так беседовать уж очень неудобно. Потому Люме предпочитала сидеть в одиночестве. Всё же, близость настолько здоровенной змеи пугает, когда ты маленькая. Даже если сил в тебе достаточно, чтобы взмахом лисьего хвоста сбить с ног простого человека. Наттар за время их пребывания в этой норе ещё и подрос. Всё же, он получил дар Великого Зверя. А многие дары гуаев можно культивировать. В данном случае — всё увеличивая и увеличивая размер и силу звериной формы.

Увы, тренировать боевые искусства в змеином облике было нельзя. А вот у Люме имелось достаточно вариантов культивации, чтобы скоротать время. Конечно, требовалась осторожность — а то ещё выдашь себя случайным всплеском духовной энергии. Гуайша вытяну-

лась на земле, коснулась лапкой выступающего из стены норы корня. Постепенно её дыхание замедлилось, как если бы она засыпала. Постепенно она всё меньше ощущала собственное тело и всё больше — переплетения корней вокруг...

— Возвращайтесь и ищите! Ищите, ищите пока не разыщите! Перекопайте свой участок до скальной основы, если понадобится! Они не могли далеко улететь! Они спрятались в пределах этих долин!

Очередную четвёрку учеников, явившихся с пустыми руками, как ветром сдуло.

Патриарх Ланновар из Храма Восточного Неба ещё некоторое время стоял на краю скалы, сложив руки за спиной. Отсюда открывался прекрасный вид на горный край. В ясном ночном небе жемчугом и серебром засияли звёзды. Но его глубоко посаженные на суровом, словно топором вырубленном, лице, чёрные глаза застилал гнев. Ему, как признанному специалисту по выслеживанию одержимых и практиков тёмного пути, подчинились представители местных сект. Вот только результаты его руководства пока оставляли желать лучшего. Оставляли желать хоть чего-то.

Ланновар был убеждён, чуял чутьём старого охотника — змей и лиса не сбежали, а затаились. Но где? И насколько ещё хватит терпения у местных?

— Почтенный патриарх! — на этот раз к нему подлетел один из его собственных учеников, в лазоревой рясе Храма Восточного Неба с алой солнечной вспышкой, вышитой и на груди, и на спине. Уже по колебаниям его ауры многоопытный Ланновар понял: новости самые плохие. — Дурные вести!

— Выкладывай, младший!

— Бойня в Полуденной Долине! Примерно километров пятьсот к юго-западу! Я слетал проверить лично — почерк демонического культа. Тела... — ученик запнулся, казалось даже, чуть побледнел. Нет, не может быть. Всё-таки, он охотился за тёмными практиками не первое десятилетие и навидался всякого. Его и деревня, вырезанная до последней мыши в подполе, не впечатлит. — На многих телах следы зубов, соответствуют полужвериной форме гуая-лисы.

Ланновар топнул ногой со злости — дрожь прошла по всей скале. Почти наверняка это попытка отвлечь внимание. Лишь подтверждающая, что они ищут в нужной области. Ну кто же устроит демонстративную резню, едва вырвавшись из кольца! Но даже сумей он это объяснить здешним сектам... Если на попытку не клюнуть, то очень скоро резня повторится.

Что же делать?

Глава 5. Невезение и неожиданная встреча.

Люме подождала пять дней после того, как перестала замечать всякие внешние признаки облавы. А потом, для верности, ещё пять дней. Сделать вид, что оставил преследуемого в покое, чтобы выманить его из убежища – древнейший трюк. Но ждать до бесконечности наблюдатели не будут. Если время не ограничено – проще в самом деле перекопать все окрестные долины.

Расчёт Люме был верен. В целом. Можно сказать, что им с Наттаром просто не повезло.

– Фух. В кои-то веки, чувствую себя гуаем, а не нематым зверем, – она провела рукой по волосам – нет ещё не высохли до конца, собирать в причёску рановато.

Для практиков трёх цветов купание в горной реке, стремительной и настолько холодной, что ледяным ветром веяло за десять шагов от потока, было делом заурядным – ни риска, ни особого неудобства. А вот въевшиеся за месяц в душной норе пыль, грязь и запахи – от этого сверхъестественная сила и выносливость не помогали. Потому Люме и настояла на том, чтобы искупаться, едва они вышли наружу и собрали свои припрятанные вещи. Идея распахать их по нескольким тайникам оказалась верной. Конечно, это повышало вероятность наследить так, что один из тайников найдут. А найдя – вычислят их замысел. Но территория, на которой Люме с Наттаром теоретически могли залечь, охватывала немало гор и долин. А острые чувства практика ещё не делают его опытным следопытом. Куда ненадёжнее было бы спрятать все сокровища в одно место, когда времени закапывать их поглубже нет – чем больше волшебных предметов в куче, тем выше вероятность появления заметной с расстояния ауры.

– Настоящий практик не испытывает привязанности к мимолётным удобствам и не страшитсЯ лишений, – заметил Наттар.

Сам он, однако, лежал спиной на траве и грелся под солнечными лучами с чрезвычайно довольным видом. Так что это, наверное, была шутка.

– Надо думать, поэтому старейшины и Наставники ходят в тончайших шелках и едят с изысканнейшей посуды, – фыркнула Люме, тряхнула головой, так что её тяжёлые рыжие волосы вновь рассыпались по плечам.

– Значит, ты уже полностью освоился на среднем этапе внутреннего единства?

– Мммхмммм, нууу, что же ещё было делать, лёжа в норе, как не упражнять циркуляцию. Я ж не ты.

– Это верно. Связь через кольцо чувствуешь как прежде?

– Угумс.

– Ладно. Мою новую... технику, если её можно так назвать, опробуем потом. Как убежусь достаточно далеко.

– Угумс.

Люме покачала головой. Её хорошее настроение вдруг испарилось. Они потеряли больше месяца, лишились летающей лодки. И всё из-за её ошибок, причём сделанных на ровном месте. Времени подумать о них, прячась в вонючей норе, было предостаточно. Она, в конце концов, была практиком, приученным мыслить ясно. И не могла долго винить во всём Наттара. Ей, лисе, женщине, наследнице рода, ученице великой секты, просто полагалось быть хитрой и проницательной. Даже коварной. Но, кажется, всю свою жизнь она только и делала, что попадалась в капканы! Ни разу она не сумела самостоятельно принять умного решения – ну вот только, может быть, когда пошла вытаскивать Валена из тюрьмы и заняла потом его сторону.

– Люме!

Окрик Наттара заставил её резко вскинуться, вскочить, тут же переходя в боевую стойку. Юноша уже был на ногах, держа одной рукой Меч Красной Кисти за ножны, а другой – за рукоять. А вот она только сейчас почувствовала то, что он заметил уже секунду назад. Враждебное

намерение, слабое, но теперь очевидное. Если бы испускавший его практик сразу атаковал, то непременно застал бы её врасплох. Да как вообще можно быть настолько неосторожной?

Но практик не атаковал. Он прыгнул с нависавшего над рекой склона и приземлился прямо перед двумя гуаями. Был он ростом невысок, волосом рыж, лицом узок, на вид молод, вместо обычного халата носил изумрудно-зелёные штаны с рубахой и чёрный жилет-безрукавку. Форма великой Секты Нефритового Меча сидела на нём довольно тесно. Теперь, когда он вышел на открытое пространство, его ауру разглядел бы любой практик, кто не слеп. Насыщенно-алое призрачное пламя, соответствовало четырём цветам!

– Значит, это вы и есть прислужники архидемона? Люме Лин, Наттар Ноот, я не ошибся, младшие? Вам не повезло встретить меня, Харайна, внутреннего ученика Секты Нефритового Меча. Предлагаю сдаться по-хорошему.

– Эээээ и что с нами будет, если мы сдадимся? – поинтересовался Наттар.

– Ну, думаю, из вас выпытают всё, что вы знаете, а потом казнят, – пожал плечами Харайн. – М-да, дурацкое вышло предложение. Ладно, хватит болтать. Давайте драться...

Люме не стала дожидаться, пока он договорит. Повела рукой и с её пальцев сорвалась лоза Удушающего Плюща. И в тот же миг по её белой коже побежала рыжая шерсть – благодаря усердным упражнениям, теперь она могла принимать полузвериную форму одновременно с выполнением техники.

Ученик Секты Нефритового Меча тоже упражнялся усердно. Его и без того небольшое тело вдруг уменьшилось в размерах, покрылось блестящим рыжевато-коричневым мехом, голова стала головой соболя или куницы. Не успело преобразование завершиться, он уже подлетел к Люме. Чудовищная скорость! Наттар бросился ему наперерез – слишком медленно. Сама Люме почувствовала угрозу – слишком поздно. Аура Харайна полыхнула как взрывом, двигаясь на десяток шагов впереди него, подавляя более слабых практиков, замедляя их движения. Если попытаться уйти Лёгким Шагом – она получит удар в момент активации техники и мгновенно умрёт.

Но упорные тренировки в боевых искусствах под руководством Кантоса даром не прошли. Люме успела выбросить навстречу приближающееся угрозе ладонь, из которой хлынула волна силы. Удар открытой руки противника, безо всяких потоков энергии, просто удар, прошёл через эту волну, вдавил её ладонь ей в бок, расколол барьер воли и швырнул Люме прочь с такой силой, что она перелетела через реку, сломала спиной высокое дерево на той стороне и со звучным шлепком впечаталась в горный склон. Не успей она хоть как-то среагировать – ей сломало бы несколько рёбер и отбило половину внутренних органов. Сейчас же лишь потемнело в глазах и перехватило дыхание в груди.

А Харайн поспешно отскочил прочь. Провёл рукой по щеке. Понюхал кровь, окрасившую подушечки его пальцев.

– Потрясающая скорость для трёх цветов, – заметил он, глядя на Наттара, замершего с мечом наготове, готового отреагировать на любое движение противника. В тот самый момент, когда Харайн нанёс удар Люме, Наттар чуть не снёс ему голову. – И ты каким-то образом увеличил её при атаке. Моя аура совершенно не сковала твоих движений. Отличное владение мечом. А ведь тебе не больше восемнадцати. Даже не верится, что такой гений прислуживает архидемону.

– А я и не прислуживаю никакому архидемону, – заметил Наттар. – Брата Валена оклеветали. Но какая разница, ты всё равно не поверишь.

– Да, не поверю, – кивнул Харайн. – Если б всякий практик тёмного пути был явным подлецом, жизнь была бы куда проще. К тому же, демонические секты особенно изощрены в обмане. Для прочих тёмных ложь – это вопрос выживания, для тех, кто хочет достичь бессмертия, сделавшись архидемоном – высокое искусство.

Естественно, разговаривали они не просто так. Оба косились в ту сторону, куда улетела Люме. Сражения практиков беспощадны. Противника послабее лучше выбить первым – а то он потом сможет применить коварную технику или вовремя поддержать товарища. Вот только Харайн уже успел убедиться, что от Наттара опасно отвлекаться даже на полмгновения. Говорил он спокойно, но самый кончик его роскошного хвоста чуть подёргивался. Он взвешивал шансы – рискнуть ли ещё раз, в попытке добить Люме. Первый удар был не в полную силу, голой ладонью, чтобы отключить, а не прикончить. Второй удар окажется куда смертоноснее. Наттар это понимал.

И сама Люме тоже понимала. Потому рухнула на четвереньки, сплёвывая кровь. Её аура начала тускнеть. Ведь сейчас Люме передавала Наттару столько духовной энергии, сколько могла. А кровь была из поспешно прокушенного языка, не из внутренних органов – но Харайн сейчас не мог слишком тщательно приглядываться.

Инстинкты кричали Люме забрать у Наттара как можно больше силы через дар Красной Нити Жизни и поспешно бежать. Но разум холодно напоминал – при такой разнице в скорости, кража духовной энергии ей не поможет. Тем более, что после смерти Наттара, которая не заставит себя ждать, эффект от кражи исчезнет очень быстро. Нет, её единственный шанс – это притвориться тяжело раненой и выжидать удачного момента.

Как бы ни порицала себя Люме за недостаток хитрости, её актёрская игра вышла убедительной. Харайн поверил. Взгляд его блестящих чёрных глаз упёрся в Наттара. Он поднял правую руку – и в той появился длинный прямой меч. По украшенному иероглифами клинку тут же заплясали языки пламени.

– Так, или иначе, я слышал, что ты, Наттар, учился у знаменитого Кантоса, слепого практика, чьё мастерство меча уважают даже в нашей секте. Похоже, что это, по крайней мере – чистая правда. Учение Нефритового Меча гласит, что истинное воинское искусство заслуживает уважения. Кто бы им не пользовался. В знак этого уважения я сразу те...

Наттар тоже любил поговорить. Но говорить сейчас было не время. Харайн – практик четырёх цветов, и, похоже, практик незаурядный. Он в любой момент мог заметить, что Люме лишь притворяется серьёзно раненой. Наттар не собирался специально нападать, прерывая врага на полуслове. Просто ноги бросили его вперёд, едва разум очистился от мыслей. И бросили с невероятной скоростью.

Лязг! Харайн в последний миг успел подставить меч под рубящий удар снизу вверх. Разноцветные искры брызнули фонтаном. Чёрные звериные глаза чуть расширились, когда он понял, что не сможет отбить такую атаку одной рукой, несмотря на разницу в цветах. В последний миг он отменил свою устойчивость, позволив себе отлететь спиной вперёд.

– Ого! – Наттар настиг его в один миг, появился словно из ниоткуда, уже заноса меч для нового удара, теперь сверху вниз. Харайн успел зацепить ногой камень, упереться, поднять пылающий меч, без страха подпереть его рукой и принять удар на плоскую сторону. Лязг и грохот раскатились по всей долине, по камню под ногой Харайна побежали трещины. А Наттар тут же исчез, чтобы появиться с другой стороны от противника, уже замахнувшись для нового удара.

– Ого! Это не просто Лёгкий Шаг! Это, кажется, зовётся Текучим Шагом! В твоём-то возрасте, владеть продвинутой техникой!

И вправду. Руководствуясь инструкциями, которые оставил ему Кантос, Наттар успел переосмыслить стандартный Лёгкий Шаг. Эта версия была чуть медленнее и преодолевала меньшее расстояние. Зато давала некоторый контроль над своими движениями во время перемещения. Текучий Шаг мог идти по дуге. Позволял куда сильнее менять положение тела, скажем, заранее начиная замах. И отдача в ногу от него шла намного слабее. В общем, этот Шаг и вправду был Текучим – версия, идеально приспособленная для мечника. Особенно имеющего высокое средство с элементом Воды.

Пользуясь ею, Наттар наносил удар за ударом, справа, слева, сверху, снизу! Сейчас он мог так атаковать до бесконечности. За считанные секунды они с Харайном преодолели десятки метров по ущелью. С хрустом завалилось дерево, срубленное случайным взмахом меча. Разлетелся каменными осколками край валуна. Вновь отброшенный далеко назад, Харайн чуть не упал в бурную реку – но оттолкнулся ногой от почти полностью скрытого в белой пене камня и ловко приземлился на берег. Наттар тут же налетел на него снова.

Неискушённому человеку могло бы покататься, что гуай-соболь задавлен шквалом атак и с трудом защищается. А искушённый практик понял бы, что он лишь играет с противником, уступающим по годам и цветам. В довольно опасную игру, но всё же играет. Конечно, с приливом энергии от Люме через Красную Нить Жизни, Наттар сейчас был на уровне гения, минимум одиннадцати звёзд таланта, по своей силе и скорости. Конечно, сочетание Чешуи Морской Твари и Текучего Тела давало ему невероятную гибкость тела и увеличивали силу, позволяло бить куда быстрее и резче. Конечно, очищение разума ускоряло реакцию. Заурядный практик четырёх цветов был бы не рад встрече с ним в ближнем бою.

Заурядный практик, но не Харайн, один из лучших внутренних учеников Секты Нефритового Меча, не зря получивший прозвище Харайн Стремительный Клинок. Да, будь они на одном цвете, то хватка шла бы, пожалуй, не на жизнь, а на смерть. С точки зрения гуая-соболя, это уже было высоким комплиментом для Наттара. Но сейчас, когда он достиг среднего этапа внешнего единства... Да, его уже нельзя игнорировать на поле боя, но считать мальчишку на внутреннем единстве, за серьёзного противника? Несмешная шутка. Тут даже техник использовать не придётся. Кажется, он уже повторяется. Выложил сразу все карты на стол, как и положено в отчаянной атаке против более сильного практика.

Губы Харайна растянулись в зверином оскале. Он отскочил, уклоняясь от удара, воздушная волна от которого разметала брызгами речную воду позади – и тут же шагнул вперёд, прежде чем Наттар успел снова уйти в текущий шаг. Шагнул и атаковал, впервые за поединок. Стремительным, смертельным выпадом, способным пробить насквозь скалу. В частности, за такие выпады гуай-соболь и получил своё прозвище. Для ученика Кантоса – только лучшее!

Глава 6. Ученик и учитель из Секты Нефритового Меча.

Боевое предвидение практиков — это не предвидение будущего как таковое, а способность чувствовать намерения врага, получая предупреждения об атаках ещё до их начала. В частности поэтому практик, очищающий разум, избавляющийся от сознательных мыслей, отправив их в пустоту, сражающийся на выработанных рефлексах, сохраняет преимущество даже в битве с противником на завершённости внутреннего единства и выше, которые может многократно ускорить своё внутреннее время. Теоретически разница в скорости реакции незначительна, почти незаметна, но у практика с пустым разумом нет неизбежного промежутка между появлением намерения и началом его реализации. Даже боец с острейшими чувствами, способный вбирать в себя образ противника до мельчайших деталей и угадывать движение по первым крохотным признакам, будет перед ним в невыгодном положении.

Ещё один недостаток предвидения — оно, понятное дело, чуточку ослабевает в момент, когда боец решается выполнить собственное действие. Очевидное следствие из этого: предвидение можно частично обойти, поймав врага на рефлекторной контратаке. Так Наттар в своё время ранил неизмеримо превосходящего боевым опытом Кантоса в учебном поединке. И более того: практик, чей разум свободен от мыслей, практик, который не решает, а просто действует, здесь получает дополнительное преимущество. Именно это было одной из важнейших причин по которой Кантос учил Наттара так, как учил.

Сейчас его уроки дали плоды. Харайн поздно понял, что противник слишком быстро восстановил равновесие после удара. И начал встречную атаку. В момент, когда уклониться или изменить траекторию собственного выпада уже не было возможности. Пусть внутреннее время ускорено в десять раз, тело не поспевает за разумом. Даже спасительные техники нельзя активировать одним усилием мысли. Заурядный практик мог бы впасть в панику. Попытаться избежать удара как угодно.

Харайн, гордость молодого поколения Секты Нефритового Меча, заурядным практиком не был. Его клинок остался нацеленным в сердце Наттара. У него преимущество на целый цвет. Размен ударами при такой разнице — чистое самоубийство.

В последний миг Наттар извернулся невероятным образом, словно его тело вправду стало текучей водой. Пронзающий выпад превратился в выпад, скользящий по серебряной чешуе на его груди. Огонь, окружающий клинок Харайна, вспыхнул вдвое ярче прежнего. Трава и мох на десять шагов вокруг мгновенно усохли и потемнели, от бурлящей реки взвилось облако пара. Но Вода всё же гасит Огонь. А Чешуя Морской Твари была техникой элемента Воды. Меч Харайна лишь прочертил тёмную полосу по груди Наттара, не нанеся тяжёлой раны. А вот меч Наттара вошёл Харайну глубоко в бок.

В следующий миг Харайн отскочил прочь огненной вспышкой. Если б не преимущество на целый цвет, этот удар разрубил бы его пополам. Даже сейчас рана оказалась тяжёлой. Не успел он выдохнуть или достать исцеляющие пилюли, как Наттар настиг его. Жаркие искры разлетелись на обе стороны реки, поджигая мох и кусты, когда клинки столкнулись вновь.

Пусть бок Харайна и потемнел от крови, но звериная морда растянулась в голодном и почти радостном оскале. Этот ученик вправду стоил своего знаменитого среди мечников учителя! Среди всех искусств практиков, искусство владения мечом в наибольшей степени подходило тем, кто любил сражение ради сражения. И Харайн был превосходной иллюстрацией этого тезиса. Осознание, что следующая ошибка в этом бою рискует закончиться смертью, заставило его сердце забиться быстрее не от страха, а от возбуждения.

Наттар непрерывно нападал, раз за разом настигая противника Текучим Шагом, как бы тот ни пытался разорвать дистанцию. Ранение сразу сковало движение Харайна — ведь меч достал почти до позвоночника. За считанные секунды они пробежали половину ущелья, оказались у высокого обрыва, рядом с водопадом. В этот момент Харайн изловчился, на миг связал клинок Наттара своим собственным, попытался навалиться, чтобы нанести удар кулаком. Вот только он здесь был не единственным специалистом по ближнему бою. Наттар зацепил его ногу своей собственной и они рухнули с обрыва вместе. Это не испугало их. Какой там может быть реальный вред от падения на третьем цвете, скорее уж камни внизу пострадают. За то время, которое им понадобилось, чтобы долететь от вершины до подножия скалы, они обменялись парой десятков ударов. И хотя Наттара спасало от превращения в шкварки под атаками пылающего клинка только естественное преимущество его родного элемента над элементом противника, а всё же он нанёс не меньше лёгких ранений, чем получил — почти невероятный результат в бою с практиком на цвет выше.

Пусть и практиком, который до сих пор использовал лишь самую примитивную из своих техник. В тот момент, когда ноги Харайна коснулись земли, его аура вдруг вспыхнула алым пламенем, видимым даже простому смертному. И чудовищный рубящий удар отшвырнул Наттара шагов на тридцать, заставил покатиться по мху леска у реки. Харайн же скрипнул зубами. Его владение огненной техникой кратковременного усиления было ещё несовершенным. Под её воздействием он терял контроль над собственными движениями, мог наносить только самые примитивные удары.

Но у него были и другие техники:

— Алая Луна: Полумесяц!

Не успел Наттар подняться на ноги, как в него стремительно полетел серп из алого пламени, созданный взмахом меча Харайна. А затем ещё и ещё один. Деревья, кусты и мох вокруг молодого гуая моментально охватило пламя. Чешуя Морской Твари не могла полностью защитить от подобных атак. Но меч в руках Наттара стремительно завертелся, создавая летучие потоки воды, отражавшие огненные серпы. Прошли считанные секунды, и дно обширного ущелья заволочло паром.

Харайн оскалился шире прежнего. Конечно, Наттар мог чувствовать враждебное намерение и вслепую. Но всё же, чувствовать намерение — не так эффективно, как видеть. А вот сам Харайн, с его стадией внешнего единства, уже обладал способностью ощущать все движения противника, которого касалась его аура. Нужно только подойти шагов хотя бы на пятнадцать.

Наттар тоже интуитивно осознал, что сражение среди пара будет ему невыгодно. Он обратился в бегство прежде, чем Харайн успел сократить дистанцию.

— Полумесяц!

Едва лишь Харайн выскочил туда, где облака пара стали пореже, он вновь применил свою технику. На этот раз Наттар был готов — уклонился от огненного серпа Текучим Шагом и немедленно контратаковал. Их клинки столкнулись с оглушительным лязгом.

— Затмение!

Наттара отшвырнуло прочь. А в следующий миг взмах меча Харайна создал стремительно расширяющееся огненное кольцо. Эта форма техники действовала лишь на ближней дистанции — но была куда быстрее. Огонь ударил Наттара почти в упор. Водяная чешуя ослабила рассекающее пламя — но на груди у молодого гуая осталась ещё одна выжженная полоса. А главное, его ударило прежде, чем он успел восстановить равновесие, сбilo с ног, подбросило в воздух. Уж теперь-то у него не будет шанса на внезапную контратаку!

Харайн сорвался с места, вкладывая всю свою скорость в молниеносный колющий удар. А скорость его, благодаря природным талантам, стилю и полужвериной форме, была более чем впечатляющей даже для четырёх цветов. Наттар, несмотря на все свои исключительные рефлексy, успел лишь инстинктивно сдвинуть правую руку, подставляя запястье под выпад.

Бесполезно! Пусть запястье и покрывала твёрдая чешуя, удар проткнёт и руку, и грудь и скалы позади.

— Хмф, — старейшина Фалмадо был недоволен успехами своего ученика Харайна. Прямо скажем, происходи этот бой при свидетелях, старейшина пришёл бы в полную ярость. Внутренние ученики Секты Нефритового Меча входили в элиту мира культивации! А теперь один из них не мог быстро одолеть противника на цвет ниже. Да ещё не в чём-то, а именно в бою на мечях. И это после того, как учитель подал беглецов ему на блюде.

Старейшина Фалмадо и ученик Харайн остались караулить Люме и Наттара в этих местах по договорённости с патриархом Ланноваром. Шансы были невелики, но им повезло — своим духовным чувством старейшина обнаружил один из тайников, оставленных прислужниками архидемона. И сообщать об этом кому-то ещё не стал. Он был не слишком выдающимся практиком пяти цветов. Ему требовались личные заслуги. А заодно он хотел дать Харайну лишнюю возможность проверить себя в серьёзном бою.

Результаты проверки его не удовлетворяли. Он покинул бы свою наблюдательную позицию на горной вершине в десятке километров от места схватки и вмешался бы лично, если бы не боялся, что это окончательно разрушит уверенность его ученика в себе.

Расстроенные чувства заставили его на миг потерять бдительность. Но, всё-таки, любой старейшина великой секты — это старый, осторожный зверь. Застать его врасплох непросто.

Вот и Фалмадо вдруг резко обернулся. Чтобы воззриться на двух практиков, подошедших к нему уже на пару десятков шагов. Как и сам старейшина, они ступали очень мягко, не оставляя следов на сверкающем снегу. Один из них был высок, даже несмотря на то, что горбился, и весь закутан в белый плащ с капюшоном, скрывающим лицо. А второй ещё выше и одет в пластинчатый доспех, вроде тех, что любили в Стальной Империи, только чёрный как ночь. Голову его закрывал шлем с бледной маской в виде скалящегося черепа. В общем, как ни крути, а выглядела эта пара крайне необычно для Перерождающегося Континента. Ауры обоих были надёжно скрыты.

Отточенные за полтора столетия бурной жизни инстинкты сообщили Фалмадо, что у него крупные проблемы. Друзья не пытаются подойти незаметно. Враги не приходят не подготовившись. Самое разумное решение: немедленно устремиться прочь, и воспользоваться особой нефритовой табличкой, чтобы подать сигнал тревоги. Но не мог же он так просто бросить своего ученика, который всё ещё сражался с малолетками из Секты Шести Печатей.

— С кем имею счастье встретиться? — поинтересовался он.

— Имеешь несчастье, ты хотел сказать? — поинтересовался здоровяк в доспехах. В руке его вдруг появилось копьё, по острию которого бежали волны тёмной энергии.

Он бросился вперёд. Очень, очень проворно. Шесть цветов, не менее. План Фалмадо отвлечь незнакомцев разговором и потихоньку достать сигнальную табличку накрылся бронзовым колоколом. Но неужели этот верзила думал, что у старейшины Секты Нефритового Меча, секты, специализирующейся на ближнем бою, нет эффективной защиты от простого удара оружием? Защиты, способной на короткое время остановить даже практика на цвет выше? Если думал, то ему стоило убираться обратно в тот театр, где он позаимствовал свои доспехи!

Пальцы Фалмадо на обеих руках сложились в печати, ещё прежде, чем эти мысли промелькнули в его голове. И в один миг перед ним возникли три щита, каждый шириной в человеческий рост, а толщиной в руку — медный, серебряный и золотой. Три прямых удара они точно выдержат, а за это время...

Фалмадо изумлённо уставился на собственную грудь, через которую вдруг прошла волна бело-серой энергии, подобная дымному огню. Прошедшая через щиты, как если бы их не существовало! А затем глаза старейшины остекленели, сигнальная нефритовая табличка выпала из его пальцев, прежде чем он успел ею воспользоваться, и мёртвое тело свалилось в снег.

— Низменные животные, — покачал головой архидемон Гвин, опуская открытую ладонь. — Совсем уже утратили память о Мелодии Душ.

— Ничтожный раб просит позволения заметить, что благодаря этому лишь немногим вне Храма Восточного Неба известны способы защиты от неё.

— Тем не менее, это серьёзное оскорбление нашего достоинства, — Гвин глухо фыркнул под забралом. — Иншань, чего ты ждёшь? Приступай к выполнению своей задачи.

Иншань помедлил миг. Его не оставляло слабое, но настойчивое чувство беспокойства. Не было ли оно результатом постороннего присутствия? Мог ли кто-то незримо следить за ними?

Нет. Невозможно. Его, Иншаня, дар не знал равных. Он мог увидеть человека или гуая за тысячу километров. Благодаря этому они оказались здесь и сейчас, с нужное время в нужном месте. Благодаря этому он впервые попал на след Люме и Наттара рядом с городом Танцующих Соцветий. Увы, только на след, а не на них самих — тогда он просто посещал места, где замечал странные происшествия, связанных с неизвестными практиками. В общем, разве что некоторые из Досточтимых или обладатели редчайших сокровищ, смогли бы укрыться от его внимания на близком расстоянии. Но стал бы враг такого уровня скрываться, видя возможность захватить врасплох божественного Повелителя Душ? Иншань не мог в такое поверить.

Он почтительно поклонился в пояс и исчез, как не бывало.

Укротительница Чудовищ едва ли могла поймать практика вроде Харайна, если что-то не скуёт его движения. Слишком медленная атака, слишком явный замах. Но это не значит, что она была совсем бесполезна для Наттара в бою с таким противником. Из татуировки она обратилась в золотую цепь, оплетающую запястье молодого гуая. Остриё пылающего меча упёрлось в одно из звеньев этой цепи. При всей силе и скорости атаки Харайна, она не могла расцечь такое могущественное сокровище.

Так что все эти сила и скорость передались телу Наттара, вместо того, чтобы оставить в нём большую дыру. С громким хлопком он отлетел на десятки шагов, с грохотом врезался в горный склон, на котором от удара задрожали все деревья. Его спина проделала изрядную борозду в траве, земле и мелком камне, прежде чем полёт, наконец, прервался.

Харайн звучно выдохнул, облизал высохший нос длинным языком. Нельзя сказать, что он подошёл к своему пределу, даже с учётом раны которая по-прежнему жгла бок. Но пришлось выложиться всерьёз — просто позор какой-то, учитывая преимущество по цветам. Да и то, победа не вышла чистой и красивой. Мальчишка всё ещё был жив. Хотя конечный результат от этого измениться и не мог. Харайн совершенно чётко ощутил, что уже начальный удар полностью развеял технику, создававшую защитную чешую, сломал кисть правой руки и несколько рёбер, повредил внутренние органы, заставив плевать кровью на лету.

Не утруждая себя приёмом исцеляющих пилюль, Харайн зашагал вперёд. Учитель будет ругаться, но такой достойный противник заслужил чистую смерть, безо всяких допросов.

— Должен признать, не будь ты простой тройкой, ты бы не проиграл, — покачал он головой.

— Эээмммм... а кто говорит, что я уже проиграл?

В форме полужверя-соболя глаза у Харайна и так были слегка навывкат. А сейчас они вообще чуть не выскочили из орбит. Наттар поднялся. С его губ всё ещё текла кровь, но он поднялся. Причём довольно уверенно. Правая рука твёрдо сжимала рукоять меча. Да как такое может быть??! Техника элемента Воды, распределившая урон по телу? Нет, Харайн совершенно чётко слышал, даже чувствовал через ауру, как ломаются кости!

Уроки учителя Фалмадо говорили ясно: если ты столкнулся с неизвестной, непонятной техникой или способностью — отступи. Или, по крайней мере, разорви дистанцию, пока не

сумеешь увидеть и понять больше. Ноги Харайна уже напряглись, чтобы бросить тело назад. Но в этот миг их оплели стремительно проросшие сквозь траву и землю древесные корни.

Ну конечно! Девчонка-лиса! Наверняка она притворилась тяжело раненой после его удара. И выгадывала момент для своих собственных техник! Должно быть и аспиду с ранами она помогла!

Корни были не слишком мощными. Харайн избавился бы от хватки за секунду. Вот только секунда — это очень много, когда на тебя Текучим Шагом бросается такой противник, как Наттар. Бросается, естественно не в лоб. Какой же дурак бросится в лоб на обездвиженного бойца, которому можно одной техникой зайти в бок?

Внутреннее время Харайна ускорилось до максимума. Как ответить? Ещё одна круговая атака Затмением? Недостаточно! Ради шанса нанести смертельный удар ученик Кантоса проломится через кольцо рассекающего пламени грудью. Он уже показал, что способен рискнуть. Его тело уже покрыла вновь серебристая, словно сделанная из текучей воды, чешуя — напора может хватить. Разорвать корни быстрее за счёт кратковременного увеличения физической силы? На время её увеличения уменьшится его контроль над собственным телом, он не сможет избежать атаки.

Наттар уже рядом, зрачки в золотых глазах сужены до ниточек, вместо удара мечом замахивается всё той же сверкающей цепью, которая спасла ему жизнь! Дать ей коснуться себя опасно! Попытаться отбить рукой? Нет, не годится. Остаётся лишь выложить предпоследний козырь.

Харайн поднял меч, словно в салюте:

— Алая Луна: Полнолуние!

Глава 7. Разные стороны решимости.

Сродство с элементом — это не слияние с ним. Как практик элемента Воды может утонуть, так и практик элемента Огня может сгореть, если попадёт в достаточно жаркое пламя. Громадный огненный шар, возникший над головой Харайна, был жарким, очень жарким. Кроны окружающих деревьев тут же вспыхнули ярким пламенем, даже те, которых сам огненный шар не коснулся. Корни, оплетавшие ноги, мгновенно почернели и стали неподвижными, наполнявшая их духовная энергия Дерева развеялась под напором подавляющего её элемента. Но вырываться из них было поздно — золотая цепь уже замыкала кольцо на запястье Харайна.

Тот и не рассчитывал вырваться. Огненный шар, способный спалить всё в радиусе десятка шагов, оставив только круг из оплавленного камня, обрушился вниз.

Оба молодых практика дружно заорали от боли. Эту атаку полагалось запускать во врага, находящегося на расстоянии. Она была достаточно сильной, чтобы всерьёз обжечь самого Харайна. Ну аж уж практику на цвет ниже, даже окружённому защитной техникой Воды, оставалось только отскочить прочь или изжариться на месте.

Решимость и способность не щадить себя в бою — очень важны для воина. Но, как Арама и Кантос всю дорогу вбивали своим ученикам — совершенно недостаточны. Нельзя сказать, что Харайн сейчас допустил ошибку в расчёте. Катастрофическую ошибку он допустил гораздо раньше. В момент, когда ему удалось отбросить Наттара, разорвать дистанцию и закидать его техниками. Правильным решением тогда было бы отступить ещё дальше, глотнуть исцеляющих пилюль и затягивать бой, пока они не окажут своего действия. Рана в боку слишком сильно сковывала движения, мешала пользоваться главным козырем — скоростью. Просто Харайн, как и многие его предки из рода гуаев-соболей, был прирождённым бойцом. Природная свирепость соединилась с гордостью, мешавшей признать, что практик стадией ниже заставил его сражаться за свою жизнь. И вышло то, что вышло. Ну а сейчас у него уже не оставалось хороших вариантов.

В тот момент, когда Укротительница Чудовищ обвилась вокруг его руки, его духовная энергия вдруг резко ослабела. Почти на целый цвет. С ней ослабело и тело. А вот мощь уже призванной техники осталась прежней. Правда ослаб контроль над ней. Огненный шар взорвался, стремительно расширяясь. Охватившее Наттара и Харайна пламя оказалось не таким сконцентрированным, как должно было быть. Даже в середине пекла они сохранили способность двигаться. В достаточной мере, чтобы обменяться ударами. Ударами безо всякого искусства или хитрости. Молодые практики ещё не развили в себе выдержку, позволявшую хладнокровно сражаться даже если с тебя содрана вся кожа. Хотя Наттар подошёл к этому чуть ближе — хоть годами он и уступал, но реальным боевым опытом превосходил.

Прямой меч Харайна разрубил Наттару плечо, вонзился в лопатку и застрял в теле. Удар Наттара в голову оказался куда страшнее. Он снёс бы полчерепа, если бы не спасительный амулет, который активировался при смертельном ударе, рассеял часть его силы, а остальное распределил по коже, сделав удар из рубящего дробящим. А всё же этот отправил Харайна в полёт, заставил покатиться по земле. Укротительница Чудовищ соскользнула с его запястья, когда Наттар едва не лишился чувств от жестокой раны. Харайн замер лишь шагах в тридцати. И уже не поднялся.

Наттар и сам едва не свалился без сознания. Наверняка свалился бы, если б не поспешно проглоченные пилюли. Даже с ними он упал на четвереньки, когда раскалённый камень, догорающие деревья и удушливый дым оказались позади. Выглядел он так, что краше в гроб кладут. От синего ученического халата, подаренного Арамой, остались лишь обрывки, местами пригоревшие к телу. Хорошо хоть, большая часть кожи уцелела — спасибо Чешуе Морской Твари. Иначе даже исцеляющие пилюли могли бы не справиться. С трудом Наттар поднялся

на колени, глухо застонал, выдёргивая застрявший в теле меч. Подумал: в конечном счёте, его спасло то, что в адском огне он лучше сохранил контроль. Нанёс удар с обеих рук по всем правилам. А противник лишь рубанул почти вслепую не подходящим для такого удара оружием.

Но всё же этот гуай, Харайн, показал себя смелым бойцом. Наттар полминуты сидел на пятках, пока пилюли убирали самые ужасные из ран. Затем доковылял до бессознательного противника, занёс меч над его головой — но передумал. Только сдёрнул с пальца пространственное кольцо. Поколебался — и вложил в закопченную ладонь пару исцеляющих пилюль попроще. Если придёт в себя — то не будет рисковать остаться изувеченным.

Если бы кто-то назвал Наттара свирепым, жестоким и тем более кровожадным, молодой гуай глубоко удивился бы. По его мнению, он просто платил ударом за удар, злом за зло, враждебностью за враждебность, как и положено практику. Харайну всё было уже уплачено сполна. В конце концов, он ведь напал на них не по своей жадности и порочности, а потому, что искренне считал их ужасными преступниками. И пощадил Люме, когда мог бы сразу нанести ей смертельный удар

Люме... тут только Наттар задумался, куда это она подевалась. Она ведь определённо помогла ему в решающий момент боя! Почему же сейчас не спешит лечить его раны? Она не может быть далеко.

Он поспешно огляделся — чуть не упав вновь. И обнаружил Люме в сотне шагов вдоль ущелья, привалившейся к стволу дерева. Смотрелась она весьма бледно. Тело её, особенно правую руку, оплетали золотистые корни, созданные её собственным волшебством — исцеляющая техника.

— Что с тобой?

Лиса покачала головой, её длинные уши чуть дёрнулись.

— Жить буду.

Лишь тут до Наттара дошло.

— Старшая, ты использовала её! Ту... ту технику!

За то время, которое они проторчали в норе, Люме культивировала в двух направлениях, о чём успела сказать. Во-первых, она развивала технику Лесного Повелителя, позволявшую ей управлять природными растениями. Именно потому сейчас она сумела применить её на большом расстоянии, застав Харайна врасплох. Передала энергию по корням деревьев, по ковру мха и травы, в тот момент, когда Наттар привлёк к себе всё внимание противника. Во-вторых, она работала над техникой, связанной с её гуайским даром, Красной Нитью Жизни. Во всяком случае, без волшебной связи, созданной этим даром, она была бы почти бесполезна, потребовала бы физического контакта, на который редко бывает время в бою.

Техника Кровавого Обмена позволяла мгновенно взять на себя чужую рану. Или передать собственную. Обмен был возможен лишь между практиками, равными по цветам. Применяющему её практику требовалось замереть неподвижно. И наконец, её применение через дистанционный духовный контакт требовало большого доверия к её обладателю. Который мог перевести на тебя собственную рану, не спрашивая разрешения. К счастью, Наттар безусловно доверял Люме. Иначе и кольцо с её волосом, служившее передатчиком для Красной Нити Жизни носить не стал бы. Нездоровое доверие, в определённом смысле. Вален, по крайней мере, знал, что она в него влюблена.

И вот сейчас до Наттара дошло, куда делись его переломы от пропущенного прямого удара.

— Да зачем ты так??! Я что, сам бы не выдержал??! Это мне положено за тебя шкуру портить!

Люме тяжело вздохнула. Поманила Наттара к себе левой рукой. Тот наклонился поближе. Честно говоря, ей хотелось вlepить ему пощёчину, чтобы не глумился опять. Выдумал тоже! Если бы не разделение ранений на двоих, никогда бы упрямому мальчишке не выиграть боя

с Харайном. При всём его таланте и боевом искусстве, при всей прочей поддержке от Люме, разница на цвет, это разница на цвет. И противник попался уж очень сильный, намного сильнее среднего практика внешнего единства.

Вот только на молодом гуае сейчас живого места не было. Ну как такого бить. Люме лишь притянула его к себе, не обращая внимания на гарь и сукровицу:

— Устраивайся на коленях. Времени нет лечить тебя Золотым Корнем отдельно. Кто знает, скоро ли появятся ещё охотники, — Люме обхватила Наттара почти материнским жестом, пока разрастающиеся корни быстро оплетали его тело. — И запомни раз навсегда. Мы найдём Валена вместе или погибнем вместе. Всё-таки, ты моему жениху за младшего брата. Думаешь брат, хотя бы и приёмный — не так важен, как невеста?

Люме не слишком верила в то, что говорила. Но как ей выживать дальше, если Наттар вдруг принесёт себя в жертву своему чрезмерно правильному пониманию долга?

Молодой гуай вздохнул, но возражать не стал. Люме подозревала, что слова отскочат от него как от стенки горох. И решила, что если останется в живых, то скажет потом пару ласковых его отцу с матерью. Воспитавшим сына, убеждённого, что хоть кому-то нужен лишь пока полезен.

Лечение Золотым Корнем и пилюлями заняло несколько минут. Новых преследователей за это время не появилось. Но едва Наттар и Люме достали летающие мечи, чтобы вскочить на них умчаться, как ощутили постороннее присутствие. Причём совсем рядом. Кто-то подобрался к ним ещё незаметнее Харайна!

— Уф. Кажется я успел вовремя.

Глава 8. Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Люме и Наттар дружно обернулись. И увидели стоящего на камне рослого практика.

Этот практик носил дорогой блестяще-белый халат, расшитый красными узорами, напоминающими языки пламени. Под цвет халату были его длинные волосы. И мех на длинных лисьих ушах с роскошным хвостом. Тело его было стройным, но не хрупким, а лицо правильным, но с чуточку слишком резкими чертами и чуточку слишком длинным носом, чтобы попасть в идеал красоты. Светло-синие глаза лучились искренностью, а на губах играла мягкая улыбка. Розовое пламя ауры указывало на четыре цвета.

Плохо. Пусть серьёзные раны и залечены, пусть силы после боя на грани жизни и смерти восстановились на девять десятых — а всё же не до конца. Столкновение с практиком на цвет выше, когда вас только двое на одного — и так крайне опасно. А уже если вы ещё и не в идеальной форме... С Харайном им повезло в том, что он слишком поздно воспринял сражение всерьёз. Новый противник вряд ли допустит подобную ошибку.

— Держись позади меня и смотри сама, — сообщил Наттар, доставая меч. Он намекал, что Люме стоит подумать о бегстве. Конечно, сбежать от врага цветом выше очень сложно, в бою шансов больше. Стремление защитить заглушило в нём здравый смысл.

Практик в белом поспешно поклонился, накрыв ладонью кулак:

— Прошу прощения у собратьев, если моё появление было слишком неожиданным. Я вовсе не желаю вам зла, Наттар и Люме из Секты Шести Печатей.

— В самом деле? — скептически поинтересовалась Люме. — Можно ли узнать имя почтенного собрата-практика?

— Моё имя — Ранквал, бродячий истребитель бессмертных зверей и нечисти. Собратья, мне кажется нам лучше было бы покинуть это место и поговорить по дороге. Если я заметил дым от битвы, то скоро могут заметить и другие.

Наттар покосился в сторону Люме. Та кивнула. Что бы ни замышлял этот Ранквал, убраться отсюда — вправду разумная идея. Убраться и подыгрывать ему, пока не предоставится удачной возможности сбежать.

Но всё же, выйдет странно, если пара преследуемых преступников без возражений и вопросов последует за полным незнакомцем.

— Собрат Ранквал, — Люме поклонилась в ответ. — Можно ли узнать, чем вызвана такая неожиданная забота о нас? Всё-таки, помогая нам, вы навлекаете опасность и на себя. Это...

— ...Подозрительно? — с улыбкой спросил её Ранквал. — Что ж, никакого секрета здесь нет. Как нет и коварных умыслов. Вас называют сообщниками одержимого Валена Вена, сына Арамы Вен. Но я не верю в его одержимость. Эта история просто смехотворна. Ведь всякий, кто следит за делами великих сект, знает, что учитель Наставницы Арамы — Наставник Кайлео, способный выжать правду даже из камня, а её ученик — проницательный слепец Кантос, от которого не мог скрыться ни один адепт тёмного пути. Чтобы все они не сумели заметить смены личности в юноше? Пфффхехе. Валена Вена оклеветали из-за тайных политических игр, иначе не быть мне практиком. А вы попали под удар за компанию. Или я не прав?

— Ты прав, — кивнула Люме. — Однако, я тоже кое во что не верю. В лиса, готового рискнуть собственным хвостом ради одной лишь любви к правде.

Ранквал безмятежно улыбнулся в ответ и сказал:

— И правильно делаешь, что не веришь. Но так уж вышло, что я глубоко обязан вашему соученику Кантосу. Ещё с тех пор, когда он странствовал по Перерождающемуся Континенту и делал добрые дела. Он меня, наверное, даже не помнит, мало ли на его пути попадалось бродячих учеников. А вот я его запомнил. Как услышал про вас и про то, что вас ловят непо-

далёку от города Восьми Рек, так и подумал: долг платежом красен. По части поисков я, как полагается охотнику, довольно силён. Почему бы не попробовать найти вас и помочь вам.

— Аааа. Вот оно что, — Наттар убрал меч в ножны.

Какая наивность! Но прямо перед лицом практика, который их наивностью собирался воспользоваться, говорить об этом было неуместно. Люме лишь чуть покосилась на молодого гуая. А Ранквал меж тем добавил:

— Вдобавок, если я вас выдам, то награда, по моим меркам, выйдет не столь уж большой. А вот если помогу... кто знает? Может, удача ещё повернётся лицом к вашим Наставникам и Валену. Тогда те, кто показал себя другом их друзей в трудный час, будут вознаграждены гораздо богаче. Как говорится, торный путь к сверкающим вершинам не ведёт. Кстати, я думаю, нам давно пора лететь. Я знаю безопасные укрытия не так далеко от этого места.

— Да, старший Ранквал, пора. Благодарю вас за вашу любезность.

Не так давно Люме могла бы и поверить обходительному соплеменнику. После всех злоключений во время путешествия по Перерождающемуся Континенту.... Нееет, Ранквалу придётся постараться гораздо сильнее, чтобы она перестала ожидать от него подвоха.

Люме и Наттар больше не были в непосредственной опасности. А вот Вален в тот же день и час всё ещё лежал пластом. И во внутреннем пространстве его ума кипела жестокая битва.

Летающие мечи, по восемь с каждой стороны сталкивались в воздухе с какофоническим лязгом. Искры сыпались вниз на болото, полное гниющих трупов. Одни мечи падали, перерубленные, другие отлетали, чтобы снова устремиться на врага. Вален взмахнул рукой, направляя их в очередную атаку, и в тот же миг стиснул зубы от боли — на правом бедре остриё вражеского клинка проделало глубокую царапину, зеркально отражающую ту, что только что возникла на бедре двойника. Даже траектории тех летающих мечей, которые казались хаотично кувыркающимися после столкновений, были зеркальными отражениями.

Вален снова рванул вперёд, устремляясь в ближний бой. Двойник — тоже. Удар. Блок. Укол. Уход. В рукопашной их движения не повторялись с идеальной точностью — но их умения были идеально равны. Копия разгадывала любой его финт, отвечая немедленными контратаками.

Боль стала таким же постоянным фоном, как и чудовищное зловоние. Царапины, порезы, колотые раны. Вален чувствовал боль в щеке — и видел алую полосу на щеке напротив. Левый бок словно пламенем вспыхнул — и двойник скривился, схватившись за то же место. Но лёгкие ранения исчезали почти так же быстро, как появлялись. А нанести друг другу тяжёлых противники не могли.

В этот раз Вален не пытался тренировать себя, а стремился покончить с врагом как можно скорее и решительнее. Но легко сказать, да сложно сделать. Их таланты и умения были равными, уловки и хитрости — одинаковыми. Если он попытается вообразить себе какое-то новое оружие — наверняка оно появится и у двойника. Решимость? На этот раз двойник сражался с тем же угрюмым упорством.

Губы Валена растянулись в злобном оскале, когда ему в голову пришла идея. Возможно, он неправильно подходит к этой схватке. Что ж, посмотрим.

Они сошлись и разошлись ещё не один десяток, не одну сотню раз. Изменения накапливались постепенно... пока вдруг не достигли критического предела. И двойник отшатнулся, глядя на Валена в изумлении. Восемь летающих мечей были отбиты. Но девятый торчал у него из живота.

— Думаешь, всё будет так просто??! — заорал он. Взмахнул рукой и в воздухе появился новый рой летающих мечей. Теперь с его стороны их тоже было девять. — Какие бы умения ты не натренировал здесь, они отразятся во мне!

— Очевидно, так, — удовлетворённо кивнул Вален. — Но шаг вперёд, который делаю я, ты лишь повторяешь. Между моим и твоим ростом есть неминуемая задержка. А значит, мы всё-таки не идеальные отражения друг друга. Моя победа неизбежна.

— Наш мозг сгорит раньше, глупец!

— Если сгорит — не мозг и был!

Они снова сошлись, меч ударил о меч с такой силой, что по гнилостной жиже разбежались волны. Ещё сотни, тысячи сшибок — и левая рука двойника отлетела прочь, перерубленная в локте, когда число летающих мечей Валена дошло до десяти. Даже во внутреннем пространстве, настолько тяжёлое ранение не могло исчезнуть быстро.

— Ну а теперь посмотрим, может ли это твоё воплощение умереть, Зеффар! — в реальном мире Вален не бы так говорлив. Но здесь дыхание не сбивалось, катящийся градом пот был лишь символом прилагаемых усилий.

Летающие мечи и мечи в их руках, вновь столкнулись, с лязгом и металлическим грохотом, от которого, казалось, задрожало небо.

— Сколько раз тебе говорить! Я — это ты!

Удар — и двойник упал в грязь, впечатался спиной в холм из человеческих трупов. А его нога упала отдельно. Но не утонула в слизи и гнили, а превратилась в пепел, летящий по воздуху.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь, упрямый недоумок??! Я — это ты! Уничтожив меня, ты навсегда сотрёшь воспоминания о своей прежней жизни! То, что не могло уничтожить никакое колдовство Повелителей Душ!

Глава 9. Последнее слово.

— Да, возможно я сотру свои старые воспоминания, — пожал плечами Вален. — Я уже обдумывал такой исход. Кто может знать, как именно метка Печати Личины взаимодействует с временной потерей памяти? Но некое взаимодействие определённо есть. Впрочем, также возможно, что ты придумал потерю воспоминаний прямо сейчас. В любом случае: ну и что?

Повинуясь лёгкому жесту, весь его рой летающих мечей устремился вперёд. Двойник попытался защищаться своими собственными, но тут же пропустил меч в бедро.

— Ты уже и так показал мне, всё, что я хотел знать, — под лязг стали развёл руками Вален. — Избавил меня от прежних сомнений. Теперь я уверен, что «архидемоны» — это не демоны и не боги. Это просто практики тёмного пути из какого-то другого места, совсем не похожего на Нотеру. У них есть тайная техника, позволяющая менять тела, вот и всё. Как у Наставников Секты Шести Печатей, только техника архидемонов намного лучше!

Обломок разбившегося в воздухе меча просвистел мимо головы Валена, слегка задев волосы. Вален даже не дёрнулся.

— А главное — я не один из них. Прежний «я» был их врагом. Служил им только потому, что был обманут. Этого знания мне вполне достаточно!

Клинок летающего меча отсёк ухо двойника. Ответный удар лишь чуть оцарапал мочку уха Валена.

— Слепец! — заорал двойник. — Неужели ты до сих пор не понял, что Тринадцать уже охотятся за тобой? Без понимания их тайн, их методов, ты обречён!

— Вероятно, охотятся, — Вален снова пожал плечами. На этот раз жест едва не стоил ему одного из плеч — летающий клинок оставил на нём глубокий порез. В ответ сразу два меча воткнулись в грудь и живот двойника. — Это может объяснить кое-какие из прежних странностей. Ну и что? Просто ещё одна причина стремиться к великой силе, способной сокрушить даже архидемонов. Кстати, Досточтимый Добродетельный Демон — я думаю, будет звучать неплохо.

Сразу десяток мечей ударили друг о друга разом. Обычный человек ненадолго оглох бы от такого лязга.

— Ты уже никогда не сможешь вспомнить прежнюю жизнь! Всё, что тебе было дорого, всё, что ты пронёс через стирания памяти! На этот раз оно точно исчезнет!

— Зеффар, ты снова доказываешь, что ты — не я. Ты просмотрел мою прежнюю жизнь и понял всё неправильно. Ты увидел мою решимость вспоминать раз за разом, и решил, что я жить без своих воспоминаний не могу. Нет! Главное, что я действительно не желал забывать — это моих настоящих врагов, и моё желание бороться с ними! Остальное... я радостно пожертвую всем, чтобы хоть на время выбить тебе зубы, чтоб нечем было кусаться. Понял??!

Рой летающих мечей обрушился на двойника, приколачивая его к разлагающимся трупам. Вален шагнул вперёд, занося клинок в своей руке

— Тебе всё равно не победить! Рано или поздно...

Впервые за все их встречи во внутреннем мире, голос двойника чудовищно изменился, стал подобен гудению пламени. Воздух вокруг него поплыл словно от жара.

Движение Валена не замедлилось. Двойник... нет, фрагмент Печати Зеффара, испустил нечленораздельное рычание. Его рот и глаза вспыхнули алым огнём. Огонь потоком вырвался наружу, обратился в извивающихся пламенных сколопендр, которые тут же понеслись на Валена.

— Рассечение Ветра.

Техники низкого уровня обычно были очень простыми и не выигрывали в силе от произнесения их названия вслух. Но для некоторых техник такое условие повышало стабильность

активации, когда практик ещё не владел ими уверенно. Огненные сколопендры развеялись как мираж под ударом клинка Валена. Голова двойника, по-прежнему охваченная алым огнём, слетела с плеч и булькнула в мерзкую жижу.

— Лучше поздно, чем рано, — покачал головой Вален, глядя, как тело, повторявшее его собственное, развеивается чёрным пеплом и дымом.

Одна из дымных струек потянулась к нему. Вален отмахнулся, но всё же на миг почувствовал сквозь зловоние запах гари.

А затем его зрение помутилось.

Стены подземного убежища, освещённого тусклым, неживым белым светом, слегка тряслись. Неудивительно, учитывая что творилось наверху. При особо сильных ударах, лампы мигали.

Он стоял в тени и спокойно ждал. Это, вероятно, было бессмысленно. Конец света — есть конец света. Даже Повелителям Душ его не избежать. Пусть они способны менять тела без помощи цилиндров перерождения, но тела им всё же нужны. Вместе с человечеством, погибнут и они.

Он перевёл взгляд на ряды стеклянных баков, где в туманной псевдо-амниотической жидкости виднелись силуэты растущих искусственных оболочек.

Стены дрогнули сильнее. Чёртова зверюга раскапывала гору, как собака, пытающаяся достать крысу из норы. Вся толща камня, все уровни защиты могли только задержать её. Пятая категория, всё же. Она наверняка доберётся и сюда. Может, покончить со всем прямо сейчас?

Нет. Не таким он был человеком, чтобы сдаваться раньше времени. Он решил подождать. И дождался.

Повелитель Гвин появился в зале, как летящая тень. В один миг его не было, в следующий он уже стоял рядом с консолью управления. Его костюм был порван и покрыт пылью, но сам он не казался раненым. Должно быть, даже не дрался со зверем. А костюм пострадал при обрушении одного из коридоров.

Валена-из-прошлого Повелитель не заметил, пока тот не начал поднимать оружие. И оказался бы застрелен в затылок, будь он нормальным человеком. Но ничего нормального в нём не было.

Вален-из-прошлого успел сделать один выстрел. В то место, где Гвина уже не было. А после этого его руку пронзила резкая боль и он обнаружил себя висящим над полом. Стальные пальцы сжимали его горло. Он пнул Гвина в живот — всё равно, что в бетонную стену. Ступню пронзила острая боль.

— Я вижу, что твои воспоминания опять возвращаются, — теперь голос Повелителя Душ дрожал от плохо сдерживаемой ярости. — Что ж. Время для игр закончено. На этот раз тебе придётся умереть окончательно. Последнее слово, в честь твоей долгой и плодотворной службы?

Губы Валена-из-прошлого растянулись в оскале:

— Как ты думаешь, благодаря кому зверь пять-три нашёл это убежище? Умереть окончательно придётся не мне одному.

А затем он попытался резко сжать зубы. Но вторая рука Повелителя зажал ему рот, не давая сдвинуть челюсть даже на миллиметр:

— А вот насчёт этого мы ещё посмотрим, — лицо, правильное и волевое, как и у всех тел Гвина, исказилось в злобной гримасе. — Нервно-паралитический газ в фальшивом зубе, я полагаю? Весьма остроумно. Но ты, кажется, забыл, что я предвижу намерения, смертный слизняк. Радуйся, что у твоего Повелителя на тебя нет времени.

Пальцы правой руки Гвина сжались, круша трахею. Он не отшвырнул Валена-из-прошлого прочь. Продолжил держать, наблюдая, как затуманиваются его глаза, слушая последние удары сердца.

И потому не успел отскочить, когда сработали датчики, следившие за признаками клинической смерти, и взорвалась имплантированная в грудь Валена-из-прошлого бомба. Ярчайший свет залил всё вокруг. Хотя это уже не могло быть воспоминанием. Лишь картиной, сформировавшейся в сознании нынешнего Валена. Ведь нервы его тела из прошлого испарились прежде, чем передали мозгу какие бы то ни было ощущения.

Вален криво улыбнулся, возвращаясь в сознание на своей постели, в Секте Добродетельного Демона. Возможно ли, что в двойнике, созданном Печатью Личины, сохранялись следы его собственной воли? Возможно ли, что он сейчас получил нечто вроде последнего привета нынешнему себе от прошлого себя? Последнего напоминания бороться до конца, каким бы этот конец ни был?

— Учитель! Вы очнулись!

Вален окончательно вернулся к реальности, когда Сурэноха сжала его в крепких объятиях.

— Конечно. Иначе и быть не могло, — усмехнулся он.

А затем всё тело Валена охватила обжигающая боль, настолько ужасная, что он едва не потерял сознание снова.

Глава 10. Рассуждения Валена.

По счастью, Вален успел так устроить дела в секте Добродетельного Демона, что выпадение старейшины на пару-тройку дней, под предлогом ухода в глубокую личную культивацию, она пережить как-нибудь могла. А Валену требовалась хотя бы пара дней отдыха и спокойствия. Не только из-за пылающих нервов и необходимости тщательно проанализировать последствия для тела с меридианами.

Ему необходимо было проанализировать всё случившееся.

Вопрос первый: действительно ли он видел воспоминания из прошлой жизни? Не мог ли Кантос ошибаться, говоря, что Печать Личины не в состоянии заменять реальность целиком поддельными образами, что её предел — смещать акценты в восприятии? В конце концов, информация, полученная через вторые руки ненадёжна. А с Арамой Вален не успел толком поговорить на эту тему. И нефритовая табличка с записями, которые она оставила для него, по-прежнему не реагировала на попытки её активировать – повреждения были слишком велики.

Нет. Теоретически, конечно, такое возможно. Теоретически в этом мире вообще возможно почти всё. Но на практике вероятность так ничтожна, что её можно отбросить. Зачем творить сложные иллюзии, которые лишь усиливают сопротивление твоей жертвы?

Вопрос второй: почему он жив? Точнее говоря, как он сумел вернуться в жизни в своём нынешнем теле? Да, у тринадцати архидемонов есть техника, позволяющая при определённых условиях захватывать чужие тела. Достаточно, чтобы прежняя душа еле-еле держалась в теле, из-за смертельных ранений или отчаяния, лишаящего желания жить. Между прочим, непростое условие. Даже если тебе не обязательно нужно тело талантливого практика, техника архидемонов должна давать возможность существования вне тела, по крайней мере временного. Иначе в момент смерти запросто можно не найти подходящего тела для вселения. Но, так или иначе, техника смены тел есть у них. А вот у него, у прежнего-него, её явно не было. Он был лишь подручным, не входящим во внутренний круг. Похоже, вообще не владевшим духовной энергией. Так как же он оказался в теле Валена Вена?

Вален осторожно приподнял веки. Настала ночь, его покои освещались лишь светом Небесной Реки. Не резавшим ставшие сверхчувствительными глаза. Он поднял руку, поглядел на запястье. Да уж, хорош он, что и говорить. Смотрит снизу вверх на всякую мразь с тёмного пути, а сам спокойненько пользуется чужим телом. И даже чужим именем. Пусть даже мать... пусть даже Арама назвала его приёмным сыном. Сейчас, когда никаких сомнений относительно собственной природы уже не оставалось, это больше не утешало. Пусть он и не архидемон, но демоном его можно назвать со всей уверенностью.

Впрочем, не таким человеком был Вален, чтобы долго мучаться угрызениями совести. Если он сможет решить уже стоящие перед ним невозможные задачи, если избавит мать и сестру от Печати Зеффара, если разделается с Тринадцатью, возможно, что и воскресить прежнего Валена Вена, вернуть ему тело, окажется по силам. Во всяком случае, он попытается. Если же такое невозможно – в чём смысл терзать себя из-за преступления, которое ты совершил не по собственной воле, непонятным способом и не можешь искупить?

Вален потер лоб. И лоб и руку прострелила боль. Помогавшая сосредоточить мысли на главном. Итак, возвращаясь к «непонятному способу». Так как же, всё-таки, он сумел возродиться? Загадка. Вален мог предположить несколько вариантов. Возможно, некий недостаток в тайной технике архидемонов, из-за которого его душа и душа Повелителя Гвина оказались перепутаны, поскольку их тела умерли одновременно. Возможно, эксперимент, пошедший не по плану – ведь похоже, что он был одним из любимых подопытных Тринадцати. Возможно, вмешательство некоей третьей силы. Но в конечном счёте, это всё было пустыми спекуляциями. Единственный обоснованный вывод, который пока что можно было сделать с определён-

ной уверенностью – на новое возвращение к жизни в случае смерти тела ему рассчитывать не приходится. Но на это он и не рассчитывал.

Идём дальше. Двойник утверждал, что архидемоны уже идут по его следу. Это могло быть и выдумкой, но если и правда, то ладно. Пусть становятся в очередь за всеми прочими желающими получить его голову. Судя по тому, что его ещё не взяли тёпленьким прямо в той постели, где он сейчас лежал, подходящих волшебных способов отслеживания у них нет.

Несмотря на боль во всём теле, Вален вдруг почувствовал себя необычайно легко. Ничего удивительного – он получил ответы на многие вопросы, которые до поры до времени запихивал в дальние углы разума.

Правда, тут же появились вопросы новые. Например, какое место и время видел он в своих воспоминаниях? Определённо это не могло быть время Второго Опустошения, время правления архидемонов. Начать можно с того, что в то время практиков на Нотере уже было великое множество. Многие из них служили Тринадцати – корни демонических культов тёмного пути уходили как раз в те времена. Но судя по воспоминаниям прошлого «я» Валена, в его прежнем мире использование духовной энергии было тщательно охраняемой монополией Повелителей Душ. Потом он повнимательнее почитает исторические книги о древнейших эпохах... но польза от этого маловероятна. Ни о чём, напоминающем цивилизацию, где использование духовной энергии называли ведьмовством, зато смена тел была рутинным делом, в них не говорилось. К тому же, судя по тому, что Вален уже успел прочитать, реальная история как раз и начиналась примерно со Второго Опустошения, примерно четыре тысячи лет назад. Архидемоны во время своего правления уничтожали и переписывали историю. Опустошительная война с ними длилась сотни лет. К её концу лишь Хозяин Чистилищ помнил большее, чем жалкие обрывки знаний и откровенные легенды – бессмертный бог, всё-таки. Но он не имел привычки рассказывать практикам больше, чем им полагалось знать. А знать, по его мнению, им полагалось немного. Говорилось даже, что мысль, будто практик должен зарабатывать знания и понимание своими трудами, а не получать их на блюдечке, первым высказал именно он.

Мысль вроде бы простая, очевидная, а как мало практиков ей на самом деле следуют! Арама говорила об этом в самом начале – но со временем обучение у неё и у Кантоса всё больше напоминало следование по пути, намеченному учителями. Не то что бы они мешали Валену экспериментировать, совсем наоборот. Просто когда над твоей шеей висит топор, приходится выбирать те пути, которые гарантированно приносят быстрый результат. А если бы он не висел, то у него, наверное, не было бы мотивации столь усердно тренироваться, хехе. Путь практика по самой своей природе не располагает к вольному поиску – ведь если найдёшь не то, чего хотел, то исправить ситуацию будет крайне сложно.

Постепенно перейдя к размышлениям о собственной культивации, Вален вдруг осознал с необычайной ясностью, что на этом пути ему чрезвычайно повезло во всём, кроме врождённого таланта. Сперва Арама заложила прочную основу и обеспечила ресурсами для обучения как алхимика, потом Кантос эту основу закрепил и дал великолепную боевую подготовку, потом ему повезло пережить без долгосрочных последствий несколько сражений во внутреннем мире, что невероятно ускорило совершенствование ключевых навыков. И наконец, он оказался сам по себе, без надзора старших, как раз в тот момент, когда его теоретическая и практическая подготовка уже позволяли успешно экспериментировать.

Да, в будущем надо давать себе мысленный подзатыльник всякий раз, когда возникнет желание пожалеть себя или пожаловаться на судьбу. Любые его проблемы – это лишь следствие неспособности правильно использовать её подарки.

Но не могла бы, всё-таки, судьба, карма, Древние Божества или кто там ещё посылает практикам удачу и неудачу, подарить ему как можно более скорое воссоединение с Люме и её талантами. Ну или на худой конец, алхимическую лабораторию получше. Разве он многого просит?

Глава 11. Подарки судьбы.

Вален ни секунды всерьёз не думал, что жалобы на судьбу или попытки выпросить удачу могут возыметь хоть какой-то результат. Собственно, мало кто из практиков верил в подобное.

Монахи, служащие Древним Божествам, помнится, утверждали, что Огненный Повелитель не вмешивается в дела смертных, пока те не приходят в его чистилища добровольно, а Лунный Страж лишь защищает мир от ужасов, таящихся в ночном мраке. Третье их божество, Ледяное Зеркало и вовсе звалась Отсутствующей.

Что касается веры в Вечное Небо – кстати, ученики из числа Недостойных поставили в Секте Добродетельного Демона небольшой алтарь Неба по своему вкусу, простой каменный столп, открытый всем стихиям – то её адепты считали, что Небо лишь устанавливает неумолимый вселенский закон воздаяния за поступки, добрые и злые. Никакие молитвы и просьбы не в силах поколебать его приговоров. Только невежественные крестьяне надеялись выпросить чего-нибудь у Вечного Неба, остальным поклонение служило средством напомнить самому себе истину и придать твёрдости в воздержании от злых и неразумных дел.

Ну и конечно почти никто из практиков не верил, что предки, уже вступившие в Реку Душ, способны не только наблюдать за потомками, но и вмешиваться в их дела. Многие практики блюли культ предков и отправляли надлежащие обряды, но лишь потому, что это было достойным поведением для почтительного потомка.

Сам же Вален вовсе не размышлял о существовании высших сил, хотя иного человека жизнь и расположила бы к таким размышлениям. Даже сейчас лишь иронически подумал, что после такого совпадения поневоле начнёшь верить в их покровительство – и тут же выбросил эту мысль из головы.

А ведь повод для неё был.

Тем же утром, в которое он вышел из недолгого затворничества и вернулся к делам секты, среди учеников едва не началась паника – прямо к их воротам прилетели двое незнакомых практиков на летающей лодке. Они никак не походили на учеников одной из сект Перерождённых Элементов. Но, избавиться от форменных халатов и сделать себе новую причёску – дело нехитрое. И откуда в таком отдалённом, пользующемся злобещей репутацией месте могут взяться сразу двое случайных практиков двух цветов?

Вот это Вален и спросил напрямую, когда он и эта пара сидели друг напротив друга в его приёмной. Секта Белого Пламени была старомодной, стульями и табуретами здесь почти не пользовались, так что сидели они на подушках, по разные стороны низенького лакированного столика.

Практик Хорл покосился на жену, явно надеясь, что ответит она. Огромный, грузный, загорелый до черноты, с плечами, которые распирали потёртый халат, и окладистой бородой, придававшей ему ещё более внушительный вид, он, тем не менее, казался смирным и нерешительным.

Его жена, Хунбиш, сидела так прямо, будто проглотила меч. Она была ниже мужа на полторы головы, весила вдвое меньше и обладала примерно такой же аурой, соответствующей двум цветам и заурядному таланту. Но её манеры выражали достоинство и властность. Лицо у неё было узкое, с острыми скулами и длинным носом. Если человеческая часть её лица недостаточно ясно выдавала Недостойную, то тёмные глаза без белков и пара чёрных антенн на лбу, признаки гуая-насекомого, устраняли всякие сомнения в её происхождении. Длинные волосы она заплетала в полдюжины косичек – тоже дикарский обычай. Но одета была как обычный бродячий практик – в потрёпанный халат с короткими лапами и широкие штаны.

Услышав вопрос Валена, она вздохнула, прежде чем отвечать:

— Почтенный старейшина, мы оказались в этой глуши главным образом потому, что я – Недостойная, а мой дорогой муж – полукровка. В одних местах нам не позволяли об этом забыть. В других мы были не нужны, по причине скромности наших талантов. В надежде найти себе пропитание и ресурсы для культивации, нам приходилось браться за самые разные дела. Работать на ненадёжных заказчиков. С одним из них у нас вышла ссора. Пришлось поспешно бежать, чем дальше, тем лучше. В земли сект Перерождённых Элементов, мы, конечно, соваться не желали. Всё что угодно лучше, чем пойти на пилюли. Но потом услышали о вашей секте, старейшина Добродетельный Демон. А когда услышали, то тут же поняли – человеку с вашими достоинствами очень пригодятся практики с нашими талантами.

— Ну, чтобы судить об этом неплохо бы узнать, что же у вас за таланты, младшая?

— Мой дорогой муж – опытный кузнец и кое-что понимает в иных ремёслах. Даже в строительстве. Я вижу, что эта крепость пострадала в сражении – возможно, ему под силу здесь помочь.

Вален поглядел на здоровяка с интересом. Главная башня секты и вправду лишилась пары верхних этажей. Сам Вален и его ученики в строительстве не понимали ничего. Им было под силу лишь соорудить навес, чтобы дождь не заливал оставшуюся часть постройки.

— Но всё же кузнечное дело — его самая сильная сторона

Хорл закивал, подтверждая её слова:

— Любое оружие могу сковать, почтенный старейшина, только прикажите, да материал дайте.

— Моя же специальность – зачарование. Пусть мой талант и скромен, но опыта я с годами набралась. Вместе с мужем мы и летающие мечи можем делать, и защитные талисманы.

— А пространственные кольца? — поинтересовался Вален.

Хунбиш резко помотала головой, аж косички дёрнулись:

— Слишком тонкая работа. Духовной энергии много не требуется и материалы на них идут довольно обычные, серебро высокой чистоты, духовный нефрит, почти любые ингредиенты с духовной энергией, но вот движения нужны поточнее моих. Или инструменты высочайшего качества. А лучше то и другое.

Вален улыбнулся и кивнул. Вопрос был задан с умыслом проверить, не вешают ли ему лапшу на уши. Сам он не являлся зачарователем, но прожил с Люме достаточно долго, чтобы разбираться в основах. Эта женщина правильно назвала причины, по которым пространственные кольца были не по зубам простому бродячему зачарователю её уровня. Похоже, что какая-то квалификация у неё была. А подробное объяснение заставляло думать, что она догадалась об истинном смысле его вопроса. Значит, умна и опытна.

Всё это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. В Секту Добродетельного Демона явились именно те, кого Валену не хватало. Тут и вправду начнёшь подозревать благоволение неких высших сил.

Потому что Вален не имел никакого представления о том, зачем каким бы то ни было ещё силам присылать к нему эту парочку. Для Аланарии и Сект Перерождённых Элементов пара практиков двух цветов, обладающих ценной специализацией — слишком важный ресурс, чтобы использовать его как шпионов. Давать такую ценную специализацию Недостойной — слишком странно...

— И у каких же учителей вы набрались своих умений.

— Я подростком попала в Секту Закатного Горизонта. Но после смерти их старейшины, секта рассыпалась, её разодрали распри между старшими учениками...

Вален довольно долго расспрашивал мужа и жену. Проверить ответы сейчас было невозможно, но шли эти ответы гладко, без колебаний, без явных противоречий. В общем, без видимых признаков лжи.

Наконец, он потёр подбородок:

— Присоединяться к моей секте опасно. Очень опасно. Вы должны знать, что моё перемирие с Сектами Перерождённых Элементов может оборваться в любой момент. А сил у них куда как больше.

— Я одного не сказал, почтенный старейшина. Родители мои прежде жили в этой стране, — заявил вдруг Хорл. — Когда я мальцом ещё был.

Жена покосилась на него, но перебивать не стала.

— А потом, вот...

— А потом случилась Секта Белого Пламени?

— Секта Жёлтой Земли, — покачал большой головой Хорл. — К северу мы жили. Ну и вот...

— Ну и вот, вражда с Сектами Перерождённых Элементов — нам лишняя причина проситься в Секту Добродетельного Демона, — договорила Хунбиш. — Но признаюсь, почтенный старейшина, мы сперва хотели поглядеть на вас, а уж потом говорить о таких вещах.

Вален усмехнулся:

— Одного взгляда на моих учеников должно было быть достаточно, чтобы понять — мы с ними не уживёмся. Значит, вы хотели поглядеть — может быть, я просто случайный бродяга, который на чистом везении убил старейшину секты? Может быть, связываться со мной смысла нет? Ну и как, поглядели?

Муж и жена почтительно склонили головы:

— Почтенный старейшина Добродетельный Демон, ваша культивация не слишком глубока, но ваши речи весьма проникательны. Мы сочтём за честь присоединиться к вашей секте.

— Во внутренние ученики сразу не возьму, — заметил Вален. — Но время сейчас не то, чтобы мучать вас испытательными сроками. По истечении одной луны всё станет ясно — и мне о вас, и вам обо мне. Тогда и принесёте клятву на верность секте, если пожелаете.

— Почтенный старейшина чрезвычайно добр!

Почтенный старейшина ещё раз оглядел Хунбиш, своим особым духовным зрением, позволявшим ясно видеть меридианы. Вроде бы всё соответствовало заурядной гуайше двух цветов. А всё же оставалось при взгляде на неё какое-то странное чувство необычности. Вален несколько секунд пытался понять, чем оно вызвано. И понял, что в её циркуляции духовной энергии наблюдалась лёгкая, почти незаметная нестабильность.

Пф. Просто результат неправильного саморазвития, а не скрытый признак чего-то зловещего.

Вален сидел скрестив ноги в зале для тренировок. Вокруг него висело в воздухе добрых два десятка летающих мечей. Благодаря особым успехам на среднем этапе внутреннего единства, он мог бы без особого труда контролировать и сотню. Причём, контролировать часами. В конце концов, требования к духовной энергии были невелики. Основная загвоздка состояла в том, что каждый из крохотных потоков, идущий к летающему мечу, должен был оставаться постоянным и стабильным. Но именно способность долгое время поддерживать стабильные потоки энергии, не утомляясь, не теряя контроль, сейчас стала козырем Валена.

Теперь нужно достигнуть завершённости внутреннего единства. Последняя составляющая этого единства — разум. Научившись ускорять внутреннее время, он получит способность управлять техниками, которые раньше были слишком сложны и замысловаты. Или огромным числом мечей. При этом ещё и окружая часть из них Призрачными Мечами, чтобы создать настоящую реку клинков.

Конечно, это, само по себе, ещё не даст ему мощный козырь. Если бы всё было так просто, то большинство гениев и восходящих звёзд мира практиков пользовались бы большим роем летающих мечей. Конечно, натренировать контроль непросто, но гений на то и гений, что преуспевает во всём, за что бы ни взялся.

Проблема состояла в том, что уже на трёх цветах летающие мечи заурядного качества начинали терять эффективность. На четырёх ими будет сложно нанести серьёзную рану равному по цветам врагу, даже не смотря на то, что с повышением духовной энергии Валена повысятся их скорость и сила удара. На пяти они превратятся в откровенный мусор. А приобретать десятками летающие мечи высокого качества не по карману даже большинству старейшин.

Однако, Вален уже давно знал решение для этой проблемы. Нашёл его вместе с Кантосом. Недаром он ещё во время их странствий по землям Секты Шести Печатей начал экспериментировать с модифицированными летающими клинками – отравленными, несущими алхимические бомбы. Этот путь был на порядок с лишним проще и дешевле, чем простое повышение качества мечей. Способность управлять в бою целой сотней взрывающихся мечей – вот это уже можно назвать мощным козырем. При достаточной изобретательности в использовании, способным доставить серьёзные неприятности даже практику на стадии внешнего единства. А уж заурядные трёхцветные будут от него умирать только так.

Теперь, когда в Секте Добродетельного Демона появились свой кузнец, способный делать мечи-заготовки, и своя зачаровательница, способная превращать эти заготовки в волшебные сокровища, Вален сможет получить в свои руки этот козырь. По крайней мере, его самую простую форму.

А если повезёт, то Хунбиш и Хорл заодно помогут с починкой и настройкой доставшихся ему алхимических печей. Хунбиш уже обещала посмотреть на них.

Если всё пойдёт наилучшим образом, то у Валена появится надёжный способ разить старейшин Сект Перерождённых Элементов даже без Фантомного Крюка. При этом, у него ещё будет и довольно надёжная защита. Лёгкий Шаг, Остаточный Образ и Рассечение Ветра. Которое он выучил, в первую очередь, как технику для защиты, позволяющую развеивать те волшебные атаки, от которых сложно увернуться. Не слишком много для третьего цвета, но для практика, ведущего бой на расстоянии, сойдёт.

При этом, если противник подумает, что он силён исключительно на расстоянии – а большинство так и подумают – он сможет преподнести им большой сюрприз в ближнем бою. Как фехтовальщик он превосходит почти всех, хотя в его искусстве и есть пока недостатки. Например то, что рубящие удары освоены куда лучше всех прочих.

А на случай, если всё это не поможет и придётся драться в рукопашной, неплохо бы ещё освоить Тело-Клинок. Конечно, рубить и резать голыми руками Вален мог и так, создавая невидимые лезвия из воли. Но с техникой его атака и защита не просто увеличатся, а станут экономнее в плане духовной энергии. Что важнее, Тело-Клинок, делавшее части тела прочными и острыми как сталь, если успеть ими замахнуться, могло стать дополнительной защитой и от атак с расстояния.

Вален выдохнул и направил висящие вокруг него летающие мечи в мишень на стене. Зал огласился глухим стуком стали, втыкающейся в дерево. В цель попала дюжина мечей из двух десятков.

Вален покачал головой. Кусочки картинки «Могущественный практик средних цветов» уже начинали складываться. Но до её завершения ещё оставалось ой как далеко.

Глава 12. Глубокое доверие.

Не прошло и дня с тех пор, как Люме и Наттар выбрались из-под земли, а они уже обнаружили себя снова под землёй. Но на этот раз условия были намного комфортнее.

Убежище, куда привёл их Ранквал, находилось в недрах бывшей шахты, когда-то укрепленной особой формацией и потому до сих пор не разрушенной землетрясениями. Лет сто назад здесь добывали духовный нефрит. Остаточная аура земной силы, глубина штольни и то, что её существование было почти забыто практиками нынешнего поколения, давало приемлемые шансы, что возобновившаяся погоня не найдёт их. Они могли нормально отдохнуть ночь, прежде чем уходить прочь опасными — но не для команды опытных практиков — пещерами и тоннелями.

Место их отдыха обставил гуай, которому даже здесь, во временном убежище далеко под землёй, было важно окружать себя комфортом. Стены, грубо стёсанные когда-то киркой, прикрывала неброская ткань. В центре убежища стоял лакированный столик. На тяжёлом сундуке для вещей лежала стопка книг в переплётах из тиснёной кожи, аккуратно сложенных, словно дома, в шкафу. Пол был тщательно выметен. Постели снабжены мягкими одеялами. У одной из стен стояла миниатюрная бронзовая печь с вечно тлеющими углями внутри. Особое заклинание делало воздух свежим.

— Опытному вольному практику никак не помешает тайное убежище в окрестностях большого города, — заметил Ранквал.

Ещё сильнее оно не помешает практику тёмного пути, которому нужно место, чтобы спокойно заниматься тёмными делами. Но Люме не заметила здесь никаких подозрительных признаков. Никаких, даже мельчайших, намёков на того, что кого-то убили, или держали не по его воле, или превратили в жертву злых техник. Несмотря на это, она не сбавляла бдительности и говорила с Ранквалом предельно осторожно. Возможно, слишком осторожно.

— Я погляжу, вы седьмой тропой обходите в разговоре Валена Вена, — спокойно заметил он.

Люме придала себе виноватый вид, размышляя, как бы повежливее ответить собрату-лису, не выражая своё недоверие ясно. А вот Наттар заговорил моментально:

— Нууууу, мы его ищем, да только где найдём — сами не знаем. Была у нас когда-то с ним волшебная связь, да сплыла. В тот самый момент, как он из Секты Шести Печатей телепортировался.

Что характерно, каждое слово являлось правдой. И произнёс он их с абсолютной искренностью. Кончик хвоста Люме чуть дёрнулся от настолько прямого ответа, хотя если подумать, Наттар не сказал ничего опасного. Ранквал же лишь рукой махнул:

— Если не хотите мне говорить — то и не надо. Провожу за пределы той области, где вас могут искать, а там идите, куда знаете.

— Очень любезно с вашей стороны, старший, — склонила голову Люме.

Ранквал же засмеялся и сказал:

— Ну, право слово, не могу же я заставить кого-то верить мне. Если вы подозреваете, что я особо хитрый охотник за наградами, который втирается к вам в доверие, чтобы выйти на главную добычу, тут уж разубедить вас никак нельзя. Даже мысли и чувства, вложенные в нефритовую табличку, практик четырёх цветов может подделать.

Малый летающий корабль, парящий в облаках, был довольно зауряден — форма, напоминающая смесь лодки с веретеном, гладкий лазурный корпус, изукрашенный золотыми иероглифами, небольшая кабина, в которой без труда могли разместиться трое или четверо. Да, его волшебная аура была намеренно замаскирована — как и почти на всех летающих кораблях,

кроме самых простых и дешёвых. В мирное время большинство практиков вовсе не обратили бы на такой корабль внимания, пока тот держится в стороне от значимых сект и крупных городов. А сейчас время ещё было мирным.

Зато внутренняя обстановка его кабины этого корабля была совсем незаурядной — мягкие диваны вдоль стен, стол с высокими ножками. Искусная, но чересчур крикливая отделка — по лазурному дереву шли узоры из золотых ветвей и листьев с гранатовыми ягодами. На Перерождающемся Континенте вряд ли нашлась бы вторая такая кабина.

И на всей Нотере не нашлось бы второй такой пары пассажиров.

— Ты уверен, что твой ручной пёсик сможет усыпить подозрения этой парочки? — снова спросила Королева Мёртвых Хель. Она сидела положив руки на колени и сцепив пальцы. Левая половина лица сейчас страшно зудела, но она не хотела выдавать этого перед... коллегой. Пусть даже он всё равно мог увидеть её напряжение.

— Сможет или нет, не имеет существенного значения. Возможности укрыться от Иншаня, и его тысячекилометрового взгляда, у этих ничтожных животных нет. Так или иначе, если они сами обладают хоть малейшим представлением, где находится еретик Вален, то приведут нас прямо к нему. Их доверие или недоверие важны лишь в том отношении, что путешествуя с ними Иншаню будет удобнее защищать их от случайных опасностей, — ответил Хозяин Гончих Гвин, развалившийся, откинувшись на спинку дивана.

А потом добавил:

— Относись с большим уважением к моим гончим и их способностям. Они принадлежат к числу моих божественных атрибутов. Я же не называю твоих мёртвых служителей «трупками».

Хель фыркнула, но ничего не сказала. Не в первый раз у неё мелькнула мысль, что Гвин на полном серьёзе воспринимает их комедию с именами древних богов. И не в первый раз она оставила эту мысль при себе. Проблема состояла в том, что комедию воспринимал всерьёз Неназываемый. Во всяком случае, его манеры уже очень давно создавали именно такое впечатление. А смелость чтобы хоть косвенно критиковать того, кто держит в руках твою жизнь, у неё пропала ещё в самом первом рождении. Ещё в мире, который нынешние обитатели Нотеры — прилипло же имя, даже в мыслях теперь им пользуешься — и представить себе не могли.

Гвин усмехнулся:

— Твои мысли начертаны на живой половине твоего лица. Неужели ты всё ещё считаешь себя тем человеком, коим была когда-то? Может быть, стоит наедине именовать тебя «Хелена»?

— О, ну надо же. Ты не забыл это имя. А ведь, считай, третью эпоху живём, — она фыркнула снова. — Обойдёмся без таких фамильярностей.

— Как пожелает Королева Мёртвых. Возвращаясь к делу: вероятнее всего мысли Иншаня верны. Два прислужника еретика Валена направляются к своему господину. Но кроме него у меня сейчас остаётся лишь трое гончих. Чтобы разослать достаточно слуг и шпионов в земли, где может находиться еретик, нам понадобятся твои мертвые служители. Набор достаточного их количества займёт не так уж много времени...

— Я против. Использование мертвецов там, где я не могу регулярно уточнять их приказы — слишком большой риск. Рано или поздно один из них спалится. Причём скорее рано. Выдаст Храму Восточного Неба и наш интерес в этом деле, и то, что Королева Мёртвых вновь на свободе.

Оба некоторое время молчали. Оба думали над одной и той же проблемой. Конечно, Гвин был поставлен во главе охоты на «четырнадцатого». Он мог просто переформулировать предложение как приказ. Однако... возражение Хель было осмысленно. Неназываемый Повелитель не уточнил, будет ли риск преждевременного раскрытия считаться приемлемым в рамках этой охоты. По мнению Хель — не уточнил вполне намеренно. Наговорил общих слов о том, какой

большой угрозой является этот Вален, но пределы допустимого в рамках ликвидации угрозы не обрисовал. Чтобы в случае, если дела пойдут наперекосяк, свалить всё на исполнителей. Вполне обычное его поведение.

Она сжала руки чуть сильнее:

— Я думаю, нам лучше будет разделиться. Тебе, если хочешь слышать моё мнение, не стоит отрываться далеко от Иншана и этих зверят. Возможно, опять понадобится прикрыть их от какого-нибудь старейшины. Я направлюсь вперёд. Наберу новых мертвецов. Буду собирать слухи о том, что творится на юго-западе, в том направлении, где вероятно находится «четырнадцатый». Не отпуская своих слуг слишком далеко от себя. Охват выйдет невелик, но это надёжнее. Как тебе такое предложение?

Гвин подался вперёд, задумался на несколько секунд, потом кивнул:

— Звучит весьма разумно. Можешь отправляться прямо сейчас.

— Если старший того пожелает, он может присоединиться к нам в наших поисках, — сказала Люме поутру. Ну, во всяком случае, когда они проснулись. Было ли на поверхности утро или уже день — она не знала.

Ранквал расплылся в самой искренней улыбке, которую она видела на своём веку. Да, ещё пару лун назад она бы, возможно, приняла эту улыбку за чистую монету:

— Я польщён глубоким доверием, оказанным мне такой красавицей.

«Доверие». Держи карман шире. Перед сном Люме тщательно обдумала их ситуацию. Шансы победить Ранквала или избежать его слежки слишком малы. С заурядным практиком четырёх цветов они бы ещё потягались. Но Ранквал ей заурядным не казался. Люме не только давно прошла стадию формирования чувств, но и освоила боевые искусства глубже большинства практиков. Она могла твёрдо сказать, что даже без учёта разницы на цвет, белый лис превосходит её как боец. Зато не могла твёрдо сказать, насколько именно превосходит. Похоже, что в столкновении она опять сможет лишь поддерживать Наттара. Но на этот раз на их стороне не будет выгодного сочетания элементов. В общем, лучше не связываться.

А если так — то стоит подыграть Ранквалу, хотя бы тот и питал злые умыслы. Если он их питает, то, без сомнения, учитывает вероятность того, что они действительно не знают точного местонахождения Валена. А знают лишь примерное место, где Вален будет их ждать. И где он, возможно, не сразу приблизится к ним, а сперва посмотрит, в каком виде и в чьей компании они появятся. Поэтому их жизни важны для получения награды за Валена. А если важны — он поможет им эти самые жизни сохранить во время долгого путешествия через Перерождающийся Континент.

В общем, полезнее пока сделать вид, что она ему верит.

Глава 13. Интерлюдия 1: Ваннан.

Представление, как обычно, началось с закатом. Первыми, для разогрева аудитории, выступали практики-трюкачи. Повелитель клинков заставил сразу полсотни блестящих ножей, коротких мечей и заточенных дисков вертеться вокруг себя, словно они танцевали друг с другом замысловатый танец, образуя сложные построения. Пиромант наполнил воздух разноцветными огненными бабочками, птицами и цветами, а потом его творения взмыли высоко в воздух и взорвались снопами сверкающих искр. Акробатка танцевала, выполняла пируэты и ходила колесом на тонких стальных нитях.

Но сердцем представления был театр иллюзий. Зрелище, способное впечатлить даже бывалого практика. Погода сегодня была хорошей, небо ясным — отличное время для театра.

— Тишины, почтенная публика, я прошу тишины, — разнёсся над обширным лугом, где под открытым небом были установлены скамьи и трибуны для зрителей, глубокий, усиленный волшебством голос. — В этот вечер мы покажем вам «Легенду о Досточтимой Очищенная Душа».

Шум и вправду смолк. Простые смертные и полтора десятка практиков закрыли рты. Повисло напряжённое молчание.

А затем иллюзорное представление началось. Жёлтые и красные фонари, освещавшие луг и сцену медленно погасли. В чёрном ночное небе вспыхнуло полярное сияние необычайной красоты. А над ним, показались алые и серебряные огни, вспыхивающие пронзительно ярким и чистым светом, чтобы тут же угаснуть. Искусство иллюзиониста было таково, что зрителям казалось — всё это зрелище развёртывается на огромной высоте, прямо среди звёзд. Хотя на самом деле иллюзорные образы появлялись в десятках метров над землёй.

— Тысячи лет назад, вся Нотера жила в мире и спокойствии. Один лишь Лунный Страж, наш вечный щит во мраке, через своих служителей предупреждал нас о грядущей небесной каре — но ему не верили. Не верили, даже когда настала Ночь Небесных Огней.

Среди прочих, представление смотрел высокий молодой практик, что сейчас работал в бродячем театре охранником. Одет он был в белые штаны и куртку, а волосы, под цвет одежды, убирал под красный платок, завязанный на затылке. При словах «в мире и спокойствии» он хмыкнул. Потому что в молодости получил некоторое образование и хорошо помнил, что Третьему Опустошению предшествовала Эпоха Раздора.

— Зрелище было таким прекрасным и великолепным, что вся Нотера, кроме младенцев и слепых в тот день глядела на небо. Даже среди мудрейших из практиков немногие верили тому, что эта красота предвещает самое страшное из всех бедствий. А она предвещала. Потому, что когда сияние небес уже гасло, на землю упал Алый Огонь Зеффар. Небесное Бедствие Зеффар. Истинный Бессмертный Зеффар.

По толпе прокатился глухой шум — иллюзия резко изменилась. Один из алых огней обратился в падающую звезду, звезда стала пылающим метеором. Более впечатлительные зрители невольно попятись назад, когда метеор взорвался. Пламя взрыва сконденсировалось в полупрозрачное существо, напоминающее разом алую сколопендру и длиннотелого пылающего дракона, с множеством ног. Его глаза сияли как две злобные звезды.

— Зеффар ненасытно поглощал духовную энергию, была ли она в живых существах или самой земле. Там где он проходил, оставался лишь безжизненный, кипящий океан. Практики со всего мира вступили с ним в битву, но никакие атаки, никакие техники, никакие волшебные предметы, никакие проклятые реликвии, забытых эпох до начала времён, не могли причинить вреда Истинному Бессмертному. Казалось, наступили последние дни!

Иллюзорная тварь разрослась, встала на дыбы над головами толпы и выдохнула луч алого света. Многие вздрогнули, потому что им почудилось — кроны деревьев вокруг луга, охватило яростное пламя.

— Но практики не трусили и не пали духом, когда тысячи жизней сгорали каждый час, чтобы просто задержать Зеффара. Они без колебаний встречали смерть, надеясь лишь выиграть Досточтимым учителям прошлой эпохи время на подготовку. И наконец, в тот момент почти весь прежний Рассветный континент был уже уничтожен, Досточтимые явились на поле боя, забыв свои прежние распри.

Иллюзия Зеффара вдруг притухла, сплелась в кольцо, подняв голову как испуганная змея. А над ней начали одна за другой появляться новые образы. Благообразный человек в сияющих золотых одеждах и высокой тиаре. Полузверь, чья шерсть трепетала как пламя, а в груди сверкали семь фиолетовых звёзд. Не то человек, не то гуай, окутанный вращающимися потоками жидкой мглы. И ещё много других. Выше всех — худая женщина с дрожащими крыльями бабочки, окружённая нимбом белого света.

А внизу, практик в красном платке опустил голову, утратив интерес к представлению. Сейчас пойдёт рассказ о подвигах Досточтимых. А он в этот рассказ совсем не верил. Ну, с некоторых пор, почти совсем.

— Зачем ты всё прячешь свои волосы на людях? Они уже отросли, по мне так очень красиво теперь.

— Привычка, — Ваннан провёл рукой по своей шевелюре. Волосы вправду отросли, как и несколько длинных перьев, указывающих на его природу гуая-ястреба. — Просто привычка.

Тэйли-акробатка, широколицая, чернявая, крепко сложенная, для своей профессии, прильнула к нему. И в свою очередь провела пальцами по его волосам:

— От некоторых привычек лучше избавляться. Ну-ну, что ты сразу так напрягся?

Ваннан слегка пожал плечами:

— Тоже привычка. Не люблю непрошенных советчиц.

Он невольно ожидал, что Тэйли надует. Но та только хихикнула:

— Да уж наверное. Ты у нас вольный практик всё-таки.

Ваннан снова слегка пожал плечами. У него не имелось особого опыта общения с женщинами вроде Тэйли, которая пригласила его в свой шатёр добровольно, не требовала денег и не пыталась его убить. Возможно это было как-то связано с тем, что если бы он встретил бродячий театр Магриута Великолепного в глухом месте прежде, то в лучшем случае сделал бы предложение из серии «пространственное кольцо или жизнь». Но после Трёхсотлетнего Чистилища, после Секты Шести Печатей и после того, как Арама Вен отпустила его оттуда живым... После всего этого Ваннан чувствовал себя настолько измотанным и потрясённым, что когда Магриут пригласил странного практика, вышедшего к их лагерю, отужинать вместе с актёрами, а затем предложил записаться к нему в охранники, он вдруг согласился. В Секте Шести Печатей Ваннан успел обучиться сокрытию ауры, здесь его считали одноцветным без особого таланта. Но обращались с ним хорошо, хотя все актёры были практиками постарше его, а сам Магриут — вообще двухцветным. Сперва он даже боялся, что в нём опознали опасного разбойника, каким-то чудом воскресшего после казни в Секте Шести Печатей, что зря он машинально назвался своим настоящим именем. И успокаивают его бдительность перед тем, как выдать.

Но нет. Секта Шести Печатей вообще находилась очень далеко. Театр Магриута путешествовал по восточным областям Перерождающегося Континента, где о былых делах Ваннана даже не слыхали. Сперва, Ваннан думал побыть с ними несколько дней, немного отдохнуть, привести мысли в порядок, а потом ограбить и пойти своей дорогой. Но несколько дней как-то сами собой превратились в три месяца.

— Опять задумался? — заметила Тэйли, обнимая его, — Женщине обидно знаешь ли, когда в её компании мужчина вдруг уходит куда-то в себя.

— И потому она старается, чтобы мужчина вышел из себя?

— Дурацкая шутка! Ну, поцелуй же меня.

На следующее утро Ваннан проснулся, когда ощутил смутную угрозу. По старой привычке проснулся мгновенно, в один миг сбросил одеяло, сел и схватился за подаренный Магриутом меч в ножнах. Немедленной опасности он не чувствовал. Однако, к их шатру кто-то бежал.

— Что такое? — его резкое движение разбудило Тэйли.

— Ваннан, Ваннан, у нас неприятности! Хозяин зовёт! — раздался снаружи голос одного из мальчишек-прислужников.

— Кто-то смерти ищет, вот что такое.

Лишь когда он поспешно натянул штаны и вышел в сырое утро ранней осени, Тэйли вдруг поняла, что сказал Ваннан это таким холодно-серьёзным тоном, которого она от него раньше не слыхала.

На краю луга, где театр разбил свои шатры, стоял сам Магриут Великолепный, рослый, бородатый, уже явно немолодой практик в красном халате и тёмно-синем плаще, расшитом золотыми звёздами. По сторонам от него стояло несколько актёров и трюкачей покрепче, да второй охранник, которому Магриут платил.

А напротив — молодой практик лет так двадцати в изукрашенном жемчугом и серебром белом халате. Его гладкое лицо было бы вполне красивым, если бы не чрезмерная бледность, не волосы, слишком туго стянутые к затылку, и не прилипшее к нему брезгливое выражение. Сам он был одноцветным. А вот стоящий за его правым плечом суровый мужчина с тяжёлым подбородком, густыми бровями и волчьими ушами — двухцветным. Ваннан по осанке признал в обоих подготовленных бойцов. Хотя у юнца — Ваннан как-то забыл, что сам лишь на пару-тройку лет его старше — подготовка была так себе. А вот у телохранителя... Не актёрам, культивирующим искусство иллюзий и прочие красивые, но почти бесполезные для убийства умения, тягаться с этим гуаем.

Сам Ваннан, с его тремя цветами, великолепным потенциалом меридианов и богатым арсеналом техник, мог бы уложить всех присутствующих если не одним пальцем, то двумя. И, по правде говоря, испытывал острое желание поотрывать головы тем, из-за кого пришлось покинуть тёплую постель. Причём поотрывать в самом буквальном смысле. Но нет. Не стоило без необходимости сбрасывать личину скромного одноцветного практика. Лишние подозрения ему не нужны, а страх — обоюдоострый меч... За не слишком долгую жизнь Вананна, его трижды пытались отравить или зарезать во сне из страха, пару раз сдавали властям — не просто на свете разбойнику. Друга, чтобы прикрыть спину у него теперь не было. Единственный «друг» его бросил. А покидать бродячий театр пока не хотелось.

Потому Ваннан лишь примкнул к группе Магриута, стал сбоку, не выходя вперёд, глядя высокомерного юнца и его телохранителя без страха и угрозы.

— Господин Лакрин, — Магриут поклонился юнцу снова. — Я повторяю, что не смею противиться воле вашего почтенного батюшки, однако хотел бы лично передать ему...

— А я повторяю, что незачем беспокоить моего почтенного батюшку. Если я сказал, что моя воля — это его воля, то так оно и есть. Зови сюда девку. Не беспокойся, ничего страшного с ней не случится.

Найти актрису, певицу или трюкачку, которая не продавала бы себя по сходной цене, было мудрено. Однако, театр под управлением практика — это не заурядный бордель. В нём подразумевается взаимное согласие на сделку. С которым у этого Лакрина, как видно, воз-

никли проблемы. Ваннан нахмурился. Обернулся в сторону шатра Тэйли. Не её ли приметил этот хлыщ? Но сама Тэйли уже спешила к нему, наскоро накинув халат. И удостоилась лишь мимолётного взгляда от молодого господина и его телохранителя. Нет, не её. Что ж, если так — пусть хозяин театра пока сам разбирается с проблемой.

— Господин Лакрин, — Магриут отбивал поклоны почти что с равномерностью маятника, — Нарлиза плохо себя чувствует после вечернего представления и позвать её никак нельзя. Ну, разве что на это будет воля вашего почтенного батюшки и всего клана Кин.

Ваннан теперь помнил всех в бродячем театре по именам. Нарлиза была миловидной, на удивление робкой женщиной, умевшей на глазах у публики выращивать недолговечные благоухающие цветы, деревья с разноцветными листьями, а для тех кто готов был заплатить особо — даже экзотические плоды на выбор. И это всего лишь на формировании чувств! Просто удивительно, на что бывает способна техника, если убрать требование быстрого и точного применения в бою.

— Вот же упрямый старый бес! — господин Лакрин упёр руки в боки. — Не понимаешь по-хорошему! Из-за какой-то девки в бутылку лезешь!

Подбегавшая к Ваннану Тэйли уже хотела шепнуть что-то ему на ухо, но тут взгляд телохранителя Лакрина вновь на миг обратился в их сторону, и она осеклась на ползвук.

— Я очень сожалею... — Магриут начал было новый поклон, но молодой господин не желал больше слушать. Он обернулся к телохранителю:

— Почему эти обнаглевшие актёришки до сих пор рожами не в грязи? Позаботься об этом.

Гуай дёрнул мохнатыми ушами, ещё раз поглядел на Ваннана. Как видно, он обладал обширным опытом. Даже не видя истинной ауры беловолосого гуая, всё равно подозревал в нём наиболее опасного противника. Вероятно, по мелким признакам в осанке и манере двигаться, заметным только настоящему воину.

А Ваннан мрачно поглядел на него в ответ:

— Не советую.

Телохранитель замялся на месте. Но господин Лакрин ничего странного не видел.

— Что встал? Не слышал приказа?

— Почтенный Магриут, можно я убью их обоих?

Хозяин театра покачал головой:

— Не стоит...

— Ах ты наглый бродяга! На ломтики порежу! — Лакрин по-прежнему видел лишь ауру одного цвета. На каком-то вшивом охраннике. Который даже меч держал в руке, а не в пространственном кольце.

А собственный меч Лакрина вдруг появился из пространственного кольца. И стрелой понёсся Ваннану в грудь. Ну, с точки зрения простого смертного стрелой. Даже будь Ваннан вправду лишь на формировании чувств, он уклонился бы от такой атаки во сне. Телохранитель понял — сейчас случится что-то ужасное. Бросился вперёд, наперегонки с мечом своего господина, призвав из кольца собственный меч. И в изумлении рухнул на колени, глядя на сломанную руку. И на остриё клинка Лакрина, вышедшее у себя прямо из основания шеи. В какой момент Ваннан использовал его вместо щита, он и понять не успел. Для практика такое ранение не было смертельным, но драться телохранитель больше не мог.

— На ломтики, значит, порежешь? — поинтересовался Ваннан шагнув к Лакрину, глядя на него как ястреб на мышь, смело выбежавшую на открытое пространство. — Слышал, когда-нибудь: «не рой другому яму»? Не слышал? Зря. С какого пальца ты там собирался начать?

— Стой! — заорал молодой господин. — Хочешь, чтобы клан Кин вас всех в землю заколотил?! Я сын...

Магриут что-то там кричал Ваннану, но тот уже не слушал.

— Ах, клан? И сколько же цветов у вашего главы?

— Мой отец, Киран Кин — могучий практик трёх цветов! Понял?!! Хотя тронешь меня и тебе не жить!

— Ну надо же. Такой мелкий клан, а так много вони. Твоему отцу я то, что от тебя останется, принесу показать в бочке, — Ваннан с нарочитой медленностью потянул из ножен собственный меч.

Тут он почувствовал что-то сзади и резко обернулся, подумав, что зря не добил телохранителя по всем правилам. Но к нему бежала лишь Тэйли:

— Не надо! Хватит уже! — она бросилась бы к Ваннану на грудь, если б тот не отступил своевременно в сторону. Ох уж эти женщины. Жалеют всех на свете, кроме тех, кто желает им добра. Ваннан поглядел на Магриута.

Хозяин театра решительно замотал головой:

— Отпусти их, почтенный старший. И просим прощения, что сразу не признали...

— Не нужно. Точно отпустить? Убью я их или нет, клан этого с рук не спустит.

Магриут помолчал секунду, не зная, как теперь обращаться к Ваннану. Затем кивнул:

— Я так не думаю. Пусть идут.

Ваннан фыркнул:

— Твоё счастье, лягушонок. Убирайся отсюда. И громилу своего тащи, пока он жив.

Вернувшись в шатёр, Ваннан оделся полностью и собрал свои немногочисленные вещи.

— Почтенному старшему надоело играть в игры?

Он, конечно, слышал, как Тэйли зашла внутрь, но не обернулся к ней.

— Я не почтенный. И старшим меня тоже называть не надо. Мне одному не отбиться от целого клана с практиком трёх цветов, когда они придут вырезать тут всех за унижение сына главы. Даже если сам как-нибудь выживу, вас защитить не смогу. Поэтому я пойду, догоню тех твоих, а потом явлюсь в крепость клана прежде, чем они соберутся для боя. Оберну всё так, как если б дерзкий разбойник на них с небес свалился. Если переодеться перед резней, скромного охранника во мне не узнают, с вами никак не свяжут.

Тэйли обняла его, прижалась сзади:

— Не надо этого делать. И уходить не надо. Вот увидишь, не будет никакой резни. У старшего Магриута много друзей и знакомых. Тот мальчишка просто думал не той головой.

Ваннан выразил своё сомнение одним лишь вздохом.

— Ты же не хочешь себя выдавать? Ты поэтому к нам прибился? Вот и не порти себе жизнь. А если я окажусь неправа — так лети прочь, о нас забыть.

Ваннан вздохнул снова. Но вырваться из её объятий не попытался.

— Я же говорил, — пробормотал Ваннан, глядя на разряженного в серебро и жемчуг главу клана. Но без полной уверенности. Тот прихватил с собой всего полдюжины практиков почётной свиты. И Ваннан не чувствовал, чтобы кто-то ещё прятался в стороне.

— Почтенный Магриут, — Киран Кин вежливо поклонился, накрыв ладонью кулак. — Приношу извинения за недостойное поведение моего пятого сына. И за то, что лишь по такому печальному поводу собрался, наконец, зайти к вам. Надеюсь, вы не будете держать зла.

— О, не стоит особых извинений, — Магриут поклонился в ответ. — Всё хорошо, что хорошо кончается. Когда мы доберёмся до владений Секты Бесконечного Миража, я непременно передам вашему почтенному дядюшке Заренту, что у него чрезвычайно добродетельный племянник. Но пройдёте, пройдёте, неудобно заставлять таких почётных гостей стоять.

— Ну, вот видишь, — прошептала Тэйли на ухо Ваннану.

— Он прикинул мои цвета и решил, что гордость пятого сына того не стоит, — ответил Ваннан, но без уверенности в голосе.

— Знаешь, — сказала Тэйли каким-то странным тоном. — Мир не так ужасен, как тебе кажется.

— Ты скоро оставишь нас? — спросила Тэйли однажды ночью, полмесяца спустя.

— Да. Надо сделать одно дело. Очень сложное. Сам не знаю, сколько лет уйдёт на путешествия и культивацию.

— И что за дело? Если секрет, то хоть намекни. Хочется знать, что мужчине может быть дороже меня, понимаешь?

— Да так. Надо вернуть один долг. Практику, благодаря которой я узнал, что мир не так ужасен, как мне кажется.

Глава 14. Интерлюдия 2: Карм.

Дальний северо-запад Перерождающегося Континента считался негостеприимным, неприятным местом. Зимой даже снег мог выпасть здесь не только в горах. А сами горы были высоки, темны и суровы. Долины между ними заросли мрачными, глухими лесами, а их отроги омывало свинцовое море.

Селились в этом краю лишь беглецы со Сверкающего Континента на севере, да практики, отыскивавшие среди гор благословенные места, с мощными потоками энергии земли и небес. Ни одно из таких мест не могло стать опорой для великой секты, но второстепенные секты и кланы строили здесь свои обители и крепости.

Среди таких крепостей одной из самых впечатляющих была крепость Секты Когтей Ветра, вздымавшаяся среди скал, будто сама гора решила прорасти в небо чёрными базальтовыми башнями. Крепость и в самом деле не была построена — её вырезали из живого камня, век за веком, обтёсывая склоны, углубляясь в гору, пока внутри не образовался лабиринт залов, переходов и бездонных колодцев, уходящих в самое сердце хребта. По ночам стены и башни светились призрачным светом, в котором немногочисленные бойницы казались чёрными провалами глаз. Её ворота были вырезаны из цельной плиты обсидиана, отполированного до зеркального блеска. И хотя нынешнее поколение практиков секты уступало своим грозным предкам, никто на многие дни пути вокруг не осмеливался подступить к этим воротам с оружием в руках.

До сегодняшнего дня, когда внутри нашлись предатели, открывшие их врагу. Теперь в тёмных коридорах, освещённых холодным, голубоватым светом кристаллов, напоминавших лёд, звенели клинки и лилась кровь.

Но Сагеран Сарт, первый старейшина секты, не был не обеспокоен тем, что его ученики сейчас сражались и гибли. Если б старейшину беспокоили такие вещи, возможно, Секта Когтей Ветра не пребывала бы нынче в упадке.

— Кого волнует, что ученики пока не могут пробиться мне на помощь? Исход сражения практиков определяется в схватке предводителей! Все остальные лишь создают фон!

Главный подземный зал секты поражал размерами. Потолок терялся во мраке, и только редкие светящиеся прожилки в камне позволяли угадать, что где-то там, наверху, смыкаются своды. Под стать залу был и сам старейшина Сагеран — могучий гуай-тигр, двух с лишним метров ростом. Зачарованные пластинчатые доспехи из Стальной Империи за морем и накидка поверх доспехов заставляли его казаться ещё больше и сильнее.

Старейшина размахивал странным оружием, напоминавшим хлыст, из множества мелких, длиной не больше пальца, бритвенно-острых лезвий, липнувших друг к другу. Оно не только могло удлиняться при ударе — с каждым взмахом от него разлетались по хитрым, извивающимся траекториям, незримые клинки режущего ветра.

Однако, его противник пока избегал всех атак, летучей тенью проходя сквозь те, от которых не мог увернуться. Хотя был невысок и совершенно зауряден на вид, с тёмными глазами и неаккуратно постриженными чёрными волосами, в потрёпанных штанах и выцветшей куртке — ни дать, ни взять простой смертный человек.

— Это ты верно сказал!

Двое практиков столкнулись с грохотом, от которого, казалось, задрожала вся гора. Старейшина Сагеран отступил на два шага, но остался невредим. Невысокий человек отскочил назад, уклоняясь от контратаки. Его правый кулак был разбит в кровь.

— Не знаю, на что ты надеялся, Карм, или как тебя там! — Сагеран оскалил жёлтые клыки. — На свой талант? Ха! Даже гению нужно не меньше пяти цветов, чтобы одолеть меня в сердце моей собственной секты!

Карм поглядел на повреждённую руку и покачал головой, не выказывая опаски:

— Интересная тут формация. Защищает одного тебя.

— Повторю, чтобы дошло: исход сражения практиков определяется в схватке предводителей! Поделишься этой мудростью с другими неудачниками в Реке Душ!

Старейшина снова взмахнул своим волшебным хлыстом. И тот распался на тысячу лезвий, свистящим потоком устремившихся на врага. Сагеран был опытным практиком, дожившим до стадии внешнего единства, способным выполнять сложные расчёты посреди боя, замедляя внутреннее время. Он сразу уловил, что техника перемещения противника делала его бесплотным призраком, пропускающим атаки сквозь себя. Оценил её максимальную продолжительность и промежуток между активациями. Прикинул пределы прочности тела, которую давали Карму его методы физического усиления по повреждениям, что тот сейчас нанёс сам себе неосторожным ударом. Чтобы превратить каждое из лезвий в убойный снаряд, способный пробить такое тело, старейшина израсходовал много духовной энергии. Но их растянутый поток не давал противнику ни малейшего шанса увернуться, или оставаться бесплотным достаточно долго, чтобы избежать попаданий.

Тигриные глаза старейшины расширились, когда Карм тенью проскользнул через весь поток. Птенец скрывал истинные пределы своей техники! Сагеран взмахнул левой лапой, посылая во врага четыре незримых лезвия ветра, не собираясь уходить Лёгким Шагом. Намерение противника было каким-то странным. Но старейшина полагался на силу защитной формации. Какую бы необычную атаку ни собирался использовать Карм, ему просто не хватит сил...

— Копьё Пустоты! — лезвие ветра распорол Карму рукав и плечо, но не остановило его движения. Он выбросил вперёд раскрытую ладонь. Не последовало ни взрыва, ни грохота. Лишь странный звук, не похожий ни на что в этом мире и вспышка мрака.

Тысяча маленьких лезвий со звоном посыпались на пол. Старейшина Сагеран сплюнул полный рот крови и рухнул на одно колено. Он был ещё жив, но сквозная дыра в груди обнажила его духовное ядро и уцелевшую половину сердца. Не помогли ни формация, ни зачарованный доспех, ни прочная шкура.

— Невозможно! — прохрипел он. — Ты не скрывал свои цвета! Откуда... откуда такая духовная энергия? Неужели ты — одержимый?

Карм пожал плечами:

— А что, похож? Не волнуйся. Того, кто пытался захватить моё тело, я давно сожрал. А теперь сдохни уже. Не люблю крупных кошек. Пожалуй, надо будет выдолбить твой род с корнем.

С глухим рычанием, Сагеран попытался замахнуться лапой, создать новые лезвия ветра. Но новая тёмная вспышка снесла ему полголовы.

Карм поглядел на свою руку, на разряды зловещей энергии пляшущие между пальцами как чёрные искры. Что ж. Испытание его новой техники можно считать успешным. Он одним ударом пробил защиту, способную остановить заурядного практика пяти цветов. Учитывая те козыри, выкладывать которые ему не понадобилось, он теперь сможет чувствовать себя уверенно при встрече с любым противником ниже завершённости преобразования тела. «Заурядные» гении четырёх цветов для него корм. Все, кто не дотягивает до гения — мусор, не заслуживающий даже взгляда. Да, ему потребуются ещё десятилетия культивации, прежде чем он сможет продемонстрировать Кайлео Касу всю глубину своих сыновних чувств. Ресурсов одной лишь Секты Когтей Ветра будет недостаточно. Но он уже чётко представлял путь к этой цели.

Эх, жаль Ваннан не может видеть, каких высот его старый друг уже достиг и ещё достигнет. А ведь практик, по сути, виновный в казни Ваннана, теперь сам стал разыскиваемым преступником... Факт есть факт, если бы не Вален Вен и его подлые трюки, если бы не его коварная шлюха-лиса, которую тоже теперь ищут, они с Ваннаном спокойно сбежали бы вдвоём, после выхода из Трёхсотлетнего Чистилища. Не то что бы Карм собирался сейчас отвлекаться

на погоню за ним и прочие поиски иголки в стоге сена. Но если когда-нибудь этот гадёныш попадётся ему под руку...

Глава 15. Печь и нефритовая табличка.

Жизнь Валена, нынче более известного как Лотрек, старейшина Добродетельный Демон, на время вошла в колею. Пусть и не совсем в ту колею, на которую он надеялся. Для начала, он обнаружил, что вместо одной служанки у него их теперь две. Сурэноха ухаживала за ним вместе с Энэби. Практически переселилась в его покои, пока он почти день валялся без сознания, а потом пару дней восстанавливался. Вален потом намёкнул, что у неё имеется и своя спальня, и намёк она поняла. Но запретить ей приходить вовсе было бы... в общем, Вален не хотел так поступать с девушкой, которая, вполне возможно, помогла ему выжить и не стать одержимым. Так что теперь она помогала Энэби в вещах, с которыми та и сама прекрасно справлялась, вроде приборки, а порой просто болтала со старшей по годам женщиной. Что ж, если подумать, то неплохо – пусть лучше друг с другом, чем донимают его. Ну а то, что у Сурэнохи теперь появились лишние возможности строить ему глазки и демонстрировать фигуру – кстати, всё более впечатляющую – Вален уже не особо волновало. В конце концов, он теперь завершил начальный этап стадии внутреннего единства. Контроль над собственными гормонами стал частью его способностей практика. Он был уверен в своей способности держать в узде непрошенные желания.

Но скоро понял, что сами желания никуда не делись. Да разлука с Люме теперь не изнуряла его плоть в той же степени. Но разум вновь и вновь напоминал, что если рядом есть красивая девушка в его вкусе, которой не терпится запрыгнуть в его постель, то надо этим пользоваться.

«Совершенно нерационально допускать даже малейший риск размолвки с Люме, да ещё ради девушки, которую отказ привяжет к тебе куда надёжнее исполнения её подростковых желаний», напоминал себе Вален. И то, что напоминание формулировалось именно так, указывало: его образ мыслей теперь тоже вернулся в накатанную колею после жёсткой встряски, вызванной атакой внутреннего врага.

Но даже если не считать этого, Сурэноха теперь была его ученицей. Как несложно было убедиться, почтавав хранящиеся в пространственном кольце Валена трактаты, мир практиков весьма неодобрительно смотрел на любовные отношения между учителями и учениками. Не то что бы кого-то сильно волновало заведомое неравенство в положении – что ж теперь, могущественным старейшинам вообще жён и любовниц не заводить просто потому, что сумели стать могущественными? Просто хороший учитель должен быть в состоянии беспристрастно оценивать успехи ученика. А ученик должен быть уверен в том, что учитель оценивает его успехи беспристрастно, иначе в его сердце могут зародиться сомнения и неуверенность в достигнутом. Естественно, запутанные чувства, создаваемые любовной связью, этому мешали. Вот и ещё один совершенно разумный повод сдерживать себя!

— Если есть свободное от культивации время – поучилась бы, лучше, читать, — сказал Вален как-то раз, когда недавняя дикарка повела себя особенно навязчиво.

— Я и так умею! Прабабушка меня учила.

— А писать?

Сурэноха смутилась и покачала головой.

— Вот и будете учиться писать. Вместе с Энэби.

— Но ведь слова можно передавать и через нефритовую табличку...

— Многое лучше передавать на бумаге. Чтобы не исказить смысл своим собственным отношением к словам. А кроме того, практик, который учится красиво писать, закладывает навыки, которые могут пригодиться во многих искусствах, от создания формаций до зачарования. Поняла? Ну и отлично. Приступим сегодня же.

В общем, домашняя, если можно так выразиться, жизнь Валена, была далека от идеала. Зато во всей остальной части секты дела шли отлично.

Хорл и Хунбиш действительно оказались подарком судьбы. Хорл показал себя мастером на все руки. Под его наблюдением и руководством, ученики взялись за восстановление того, что восстановить было сложно. А потом за строительство новых зданий – число учеников в Секте Добродетельного Демона уже стало куда выше, чем когда-либо было в Секте Белого Пламени. Он искусно ковал мечи даже из посредственного железа. Знал, как искать железо качественное – и многие более редкие металлы. Умел работать с этими металлами.

Жена же его вправду отлично разбиралась в зачаровании. Совместными усилиями, они сумели даже привести в порядок унаследованные Валеном большие алхимические печи. Ну, на первый взгляд казалось, что сумели. Теперь это предстояло проверить.

Вален провёл рукой по холодному металлу. Массивная бронзовая печь, в полтора его роста, была тщательно отчищена и отполирована внутри и снаружи. Но это он мы смог сделать и сам. Его волновало состояние каналов для циркуляции духовной энергии. Часть этих каналов была элементами сложного лабиринтоподобного узора, украшавшего печь снаружи. Часть – тонкими, едва заметными глазу, бороздами внутри. Часть – незримыми для простого глаза линиями в глубине бронзы. Обычная, незачарованная печь, годилась лишь для простейших переплавок. Да и то её пришлось бы скоро менять.

Вален чуть отвёл ладонь от полированного бронзового бока, прикрыл глаза и хлопнул по нему, посылая слабый импульс духовной энергии. Печь отозвалась ровным, тёплым гулом — безо всяких странных шумов. Хороший знак.

Что ж, пора испытать её в деле

Он загрузил сырьё – залил ртутную основу, насыпал измельчённого корня женшеня, капнул несколько капель сока железного дерева, бросил кусочки коры синей горной сосны, щепотку молотого жемчуга. Один из самых простых возможных рецептов – элементарная пилюля для повышения выносливости и ускорения закалки тела. Но даже такой рецепт требовал точной отмерки составляющих и добавления их в нужном порядке.

Сам Вален на этапе закалки такими не пользовался. Арама добивалась схожего результата безо всяких побочных эффектов, правильно подбирая для него еду. Но даже если бы у Валена были нужные ингредиенты, он не мог лично готовить еду для полутора сотен учеников. Оставалось лишь выплавлять для них пилюли.

Закрыв печь, Вален коснулся её одним пальцем, используя Преобразующее Пламя. Печь отозвалась сразу: глухой, басовитый гул прошёл по корпусу, пыхнуло жаром. Неплохо, неплохо.

Полчаса спустя, глядя на партию из двух дюжин бледно-зелёных пилюль, покрытых узором из завитков и спиралей, указывавших на высокое качество, Вален одобрительно кивнул. Конечно, мастера двух цветов не могли превратить посредственную печь в отличную. Но усилиями Хорла и Хунбиш у него теперь была посредственная печь, работающая безо всяких нареканий. Даже две посредственных печи – конечно, он не мог работать с двумя разом, но мог чередовать их, избегая форсированного охлаждения, вредного и для самой печи и для выплавок определённых пилюль.

Теперь он мог массово выплавлять бомбы. И обычные, и светошумовые. Теперь он мог массово изготавливать некоторые яды, в виде пилюль и порошков. Теперь он мог обеспечить как минимум тех учеников, которые на что-то годились, базовыми пилюлями для ускорения культивации и поддержки в бою. Пилюли духовной энергии, стимуляторы, исцеляющие, антидоты...

Надо сказать, что Вален не раз думал над тем, стоит ли вообще это делать. Даже с большими печами, изготовление нужных запасов пилюль для всех, кому они необходимы, отнимет заметное время. Не стоит ли ограничиться пилюлями для внутренних учеников, Сурэнохи,

Хожина, Чулмуута, а прочим ученикам выдавать их понемногу. «Принципы Наставника, познавшего гармонию», указывали, что при недостатке пилюль и культивационных ресурсов для имеющегося в секте числа учеников, оптимальным решением является раздача их на соревновательной основе. Тем, кто уже преуспевает в культивации, тем, кто выигрывает в состязаниях, тем, кто набирает больше очков за выполнение заданий секты.

Однако, трактат указывал и недостатки подобного подхода. Даже если предположить, что глава секты обеспечил честность соревнований, сведя к минимуму фактор личной предвзятости и сделав обман системы слишком сложным делом, он будет означать, что получившие преимущество в начале, будут лишь закреплять и увеличивать его. Но далеко не все практики раскрывают свои таланты на стадии закалки. Для чего великие секты позволяют всем, кто соответствует их минимальным требованиям, пользоваться выгодами их благословенных земель и культивировать до двух цветов, не связывая себя обязательствами перед сектой? В частности для того, чтобы не упустить возможного гения, чьи способности могут раскрыться не сразу. Звёзды потенциала меридианов, сродство с элементом и гуайская природа ещё не говорят всего. Способный алхимик, зачарователь, мастер формаций, вполне может вырасти из того, кто всем этим обделён. Задатки многих редких и сильных умений, вроде очищения разума, невозможно выявить сразу. Менее одарённый практик может очень успешно проходить прорывы и сохранить потенциал развития дольше, чем более одарённый.

В общем, чем позже мы начинаем отсеивать из-за недостатка культивационных ресурсов, тем лучше это для секты в долгосрочном плане.

В краткосрочном же плане, Валену нужно было подготовить как можно больше реальных практиков-бойцов в сжатые сроки. Раз уж он вообще взялся за развитие собственной секты, то рациональным подходом будет превращение её из чистой гири на ноги в реальную опору. Первый шаг к этому – тянуть в практики всех, у кого есть шанс. Злоупотребление алхимией может создать им проблемы в будущем... Но сравнительно небольшие проблемы, ведь Вален мог массово производить пилюли высокого качества. Совершенно несравнимые с перспективой лишиться будущего вообще, когда враги тебя убьют.

У Валена были в уме и следующие шаги.

Но это потом. А сейчас... Когда он убедился, что Хунбиш действительно компетентная зачаровательница, мысли о будущем секты быстро отошли на второй план.

— Возможно ли починить? — Хунбиш внимательно осмотрела со всех сторон повреждённую нефритовую табличку Арамы. — Да.

Вален ни взглядом, ни вздохом не выдал облегчения, которое затопило его:

— Вообще? Или твоими силами?

— Моими силами. Но, — она пожала плечами, — у меня это может занять довольно много времени. Вам, господин старейшина, как я понимаю, очень важно сохранить всю информацию на ней?

— Ты правильно понимаешь. «Довольно много времени» – это сколько?

— Половину суток непрерывной работы.

— Хорошо. Приступишь завтра.

— Как скажете.

— Я буду наблюдать за всем процессом, от начала до конца.

Хунбиш пожала плечами:

— Ваша осторожность весьма разумна. Не беспокойтесь. Если вы пожелаете, я даже буду объяснять весь процесс восстановления.

— Посмотрим, — кивнул Вален.

С виду он оставался невозмутимо спокоен. Но его мысли неслись галопом. Неужели он наконец-то сможет услышать всё то, что мать хотела сказать ему, но не успела?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.